

ЛУХАРЦ

A stylized illustration of a party scene. In the foreground, a woman in a dark blue, form-fitting, sleeveless gown descends a white staircase with a gold railing. She is holding a glass of champagne and a white scarf that is blowing in the wind. In the background, a man in a tan suit stands on the stairs, and another man in a light blue suit stands on a higher level. To the left, two women in elegant, light-colored dresses are talking. The background is a light blue wall with dark blue palm tree silhouettes.

ИРИНА
КОВА

Туд по красивой жизни

18+

Ирина Кова

Лухари

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кова И.

Лухари / И. Кова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

О, как заманчив мир luxury! И сколько их – мечтательниц о легкой и красивой жизни! Они, как бабочки на огонь, стремятся в высшее общество. Но преуспеют ли они на этой ярмарке тщеславия или так и останутся «лухари»? Вот и русская модель по имени Таш не прочь застолбить себе место под солнцем. И надо же – мечты начинают сбываться, и даже принц находится! Им оказывается обворожительный аристократ Бен Спенсер. Но вот тут-то сказочка начинает идти не по сценарию... Затянутая судьбой в водоворот международного джет-сета, героиня осознает, что за фасадом роскоши, денег и славы спрятаны грязные секреты. И есть ли там место любви?

© Кова И., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

1. Как встретить принца	5
2. Как исправить ошибки родословной	18
3. Как сыграть против правил и остаться в выигрыше	33
4. Половое воспитание	39
5. Как не передознуться шиком	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

1. Как встретить принца

Монако

Воздух искрился от фотовспышек – четырехпалубная лодка «Принцесса Океана» швартовалась в порту Монте-Карло. На променаде собрались зеваки. «Может, на этот раз повезет? Как же хочется их увидеть, знаменитостей этих...» – думал мужчина с седыми висками, провинчиваясь сквозь людскую толпу. «Вот бы туда попасть, уж я бы...» – пронеслось в голове толстухи, расталкивающей народ локтями, чтобы пробраться поближе к судну.

*****

Самолет сделал крутой разворот и пошел на посадку. Канны, Антиб – знакомые изгибы береговой линии заставили ее улыбнуться. И как же ей всего этого не хватало! Все же Шотландия такая холодная и унылая...

На мгновение Таш вновь перенеслась на съемочную площадку. Длинноволосые босонogie феи в полупрозрачных одеяниях кружились в мокрой от дождя дикой траве. Между ними, словно стая лесных кабанов, пронеслись толстые рыжебородые гномы. А под обрывом, в бушующем северном море, нагие сирены с серебристыми чешуйчатыми хвостами поджидали обессиленных странников. Неделя киношного волшебства пролетела как не было, и Таш наконец-то ждал заслуженный отдых. А может, время чудес не закончилось?

Едва самолет зашел на глиссаду, Таш нетерпеливо включила телефон. «Черт, деньги за съемки так и не перевели!» На банковском счету красовался жирный минус. «Не хватит даже на такси!».

Машина съехала с автострады А8 в сторону Ле Турби. И все-таки как это было мило со стороны Вивьен организовать ей шофера. «Странно, почему мы свернули здесь?» – подумала Таш. Водитель, как будто прочитав ее мысли, пояснил по-французски: «Большой трафик, мадам. Иначе попадем в пробку. Гран-При, сами понимаете, все перекрыто».

Он был прав. На время Формулы 1 Монте-Карло превращался в одну большую пробку. Местные жители сбегали подальше от суматохи, и город заплотнялся толпы назойливых туристов. Суэта, нарушавшая привычно-размеренный ритм деревни, была сравнима со вселенским потоком. Узкие извилистые улочки, по которым проходила гонка, становились похожи на туннели из-за металлических ограждений, возведенных по сторонам. В порту и окрестностях как соты в улье выростали многоярусные трибуны. Город был парализован, и добраться из одного конца в другой становилось невыполнимой задачей.

Очутившись на авеню Принцессы Грэйс, Таш приоткрыла окно. Теплый бриз ворвался в машину, дохнув утренней влажностью. Вместе с бризом в окно влетела гигантская муха и, проделав круг вокруг головы Таш, уселась ей на прямо на нос. «Ну вот, а я только подумала, что на этот раз все будет по-другому».

Тяжелую стеклянную дверь заклинило. Консьержу пришлось нажать сильнее, чтобы отворить трехметровую глыбу. Он чертыхнулся, оглядев мокрые от недавно прошедшего дождя мраморные ступеньки, и нехотя спустился к припаркованному у входа «мерседесу».

– Мадам, мой коллега сейчас подойдет, чтобы помочь вам с чемоданами. Четкая субординация, помноженная на чувство собственной значимости, не позволили ему выполнить не соответствующую рангу работу. Пока водитель выгружал из багажника чемоданы, Таш решила укрыться от палящего солнца в тени навеса. Телефон не переставал чирикать. Одно за другим сыпались сообщения Анны с фотографиями со вчерашней вечеринки в Каннах. «Интересно, это Джулиан МакДональд?» Таш разглядывала усыпанный блестками прозрачный наряд Беллы

Хадид, который завтра глянцевого издания бесстыдно нарекут «платьем». «И зачем я надела в самолет шпильки?» Взявшись свободной рукой за поручень, она лихо поставила ногу в черном кружевном сапожке на ступеньку, как вдруг почувствовала, что теряет равновесие.

Раздался лязг телефона, хрястнувшего о мрамор, и в следующее мгновение Таш сидела на мокрой земле.

– Вы не ушиблись? – Таш подняла голову. Вот он, тот, из-за кого она грохнулась... Молод, русые кудри... Так спешил к ее чемоданам, что сбил ее с ног... Ее окутал запах сандалового дерева.

– Вы не могли бы поаккуратнее? – ответила она по-французски, поправляя свою одежду. Подол платья-рубашки предательски распахнулся почти до пояса. – Заберите, пожалуйста, чемоданы, квартира номер двадцать семь.

– Конечно, мадам.

Пока носильщик помогал ей подняться, она успела рассмотреть его складную фигуру и ... коричневые мокасины «Тодс». Он вышколено пошел к машине, чтобы забрать стоящие на мокром асфальте чемоданы. «Теперь я понимаю, почему консьерж не захотел возиться с моим багажом, если тут даже носильщики носят «Тодс», – ухмыльнулась она про себя.

Каролина ждала ее в прихожей.

– Моя дорогая! – Таш кинулась ей на шею. – Со мной приключилась наиглупейшая история.

Каролина застыла в ожидании подробностей. Как это было в стиле Таш: заинтриговать и тут же забыть, о чем говорила!

Выдержав паузу, Таш продолжила:

– Я умудрилась грохнуться прямо перед твоим домом.

Каролина встревожено посмотрела на подругу.

– Но меня спас ваш носильщик. Настоящий греческий бог!

Тихий, с легкой хрипотцой голос Таш диссонировал с ее внешностью. От красивых девушек невольно ждали бойкости и уверенности в себе. Ее же низкий голос выдавал едва заметную робость.

Каролина улыбнулась:

– Надеюсь, ты догадалась потерять туфельку, чтобы твой бог смог тебя найти?

Таш расхохоталась.

– Ну уж нет, но я сообщила ему номер квартиры, куда принести чемоданы. И, – продолжила она, – кстати о туфельках, я и не знала, что у вас даже носильщики носят «Тодс».

Таш подошла ближе к Каролине.

– Мне очень жаль, что все так вышло с Хью. – Она крепко сжала ее руку. – Но, я должна тебе признаться, – Таш взглянула на нее из-под длинных ресниц, – я рада, что ты здесь со мной, и наконец-то свободна от этих нездоровых отношений.

– К сожалению, это только начало, – спокойно отозвалась Каролина. – Впереди – долгая и тяжелая битва.

Когда Таш вышла из душа, чемоданы ждали ее в спальне.

– Я сама застелила белье. Домработница придет только завтра. – Каролина села на край кровати. – В теперешней ситуации приходится экономить на всем.

В ее открытом взгляде не чувствовалось ни горечи, ни сожаления. Таш присела рядом и обняла ее за плечи.

– Ты же знаешь, что во всем можешь на меня положиться. Деньгами, к сожалению, я тебе помочь не могу – сама знаешь, какие у нас гонорары. Да и папа что-то совсем сдал, рисует в последнее время только библейские сюжеты, а кому они сейчас нужны? Всем же попы голые

подавай! – Таш приподняла край махрового полотенца, в которое была завернута, и легонько хлопнула себя по ягодицам. – А вот в уборке квартиры мне нет равных. Так что можешь сэкономить на домработнице, пока я тут. – Ее взгляд остановился на стоящих возле шкафа чемоданах. – Когда успели их принести?

– Носильщик принес, пока ты плескалась в душе, – рассмеялась Каролина. – Я хотела было его удержать... но... его ботинки были так же далеки от «Тодс», как он сам – от греческого бога. Может, галлюцинации – это последствия твоего падения?

Таш на секунду задумалась над словами Каролины, но тут же звонко расхохоталась.

– Я здесь всего пару недель, – лицо Каролины приняло серьезное выражение, – а мне уже несколько раз непрозрачно намекнули, каково мне придется. Жены друзей Хью устроили мне бойкот. Он заблокировал все счета, чтобы я не смогла платить адвокату – хочет оставить меня без гроша, – ни один мускул на ее красивом лице не выражал злость или обиду. – Даже малознакомые люди отменили свои приглашения на гонку. Он хочет меня этим задеть, как будто не понимает, что это последнее, что меня интересует.

Таш понимающе кивнула.

– И нет надежды на мировую? – робко спросила она.

– Ни единого шанса. Но я буду биться до конца!

– И как он мог так измениться?.. – вздохнула Таш.

Она вспомнила их сказочную свадьбу здесь, в Монако. Всего четыре года назад казалось, что их ждет долгая счастливая жизнь, пока смерть не разлучит...

– Он был таким с самого начала, просто я была слишком молода и наивна, чтобы это понять.

Через двадцать минут девушки спустились в гараж. Таш оглядела подругу. Элегантный стиль Каролины, облаченной в белые льняные брюки, шелковый топ и балетки, был уместен скорее в английском Оксфордшире, нежели в блестящем Монако, где женщины норовили подчеркнуть свои роскошные формы облегающими туалетами. Всего за пять минут черный «Астон Мартин», о существовании которого Хью, по всей видимости, забыл, домчал их до клуба «Монте-Карло Бич». Раскинувшийся на небольшом мысе, прямо перед Рокебрюном, «Бич Клуб», несмотря на свое название, формально находился на территории Франции. Благодаря этому, казалось бы, незначительному факту, он мог похвастаться большей территорией, чем клубы самого Монако, где каждый сантиметр земли был на вес золота. Клуб представлял собой отель и полосу заасфальтированной береговой линии, называемой «пляжем». На «пляже» в несколько рядов выстроились полосатые тенты, которые можно было арендовать на год или на сезон. Представители старшего поколения прятались от дневного солнца в тени навесов, дети резвились возле бассейна, молодежь лениво прогуливалась по розовым дорожкам клуба.

Таш гладела по сторонам. Ее густые каштановые волосы развевались на ветру, длинные стройные ноги в кружевных шортах ловили восхищенные взоры проходящих мимо мужчин и завистливые взгляды женщин. Если бы они только знали, что под загорелым телом, тонкой талией и полной грудью, подрагивающей в такт ее шагам, скрывалась застенчивая девочка, которая еще пару часов назад не знала на какие шиши она доберется до Монако.

Ресторан был полон. Как всегда, в канун Гран-при в Монако съезжался бомонд со всего мира. Гран-при с доисторических времен застолбил себе место в светском календаре любого уважающего себя джет-сеттера, выступая логическим продолжением кинофестиваля, проходившего по соседству в Каннах. Европейский бомонд зачастую жаловал своим вниманием лишь сам Гран-при, путешествие до которого на машине из близлежащих Милана или Женевы

занимало всего несколько часов, или час лету из Парижа и Лондона. Американские же джетсеттеры перебирались в Европу в середине мая, начиная свое турне с Канн, перемещаясь в Монако на Гран-при, дрейфуя на «Роллан Гаррос» в Париже, а затем, на остаток июня, и в Лондон, где один за другим проходили торги современного искусства, теннисные турниры, гонка «Формулы-1» и множество мероприятий, приуроченных к этим событиям. В июле и августе не обремененные работой отдыхающие курсировали по Средиземноморью, а те, чье участие требовалось для принятия важных бизнес-решений, отбывали август в Хэмптонс.

Вивьен, добрый ангел, пославший за ней машину в аэропорт, сидела в компании трех мужчин. Всегда с безупречной укладкой, она была одной из тех женщин, которых ни «Шанель», ни «Валентино» не делали скучными. В прошлом году на праздновании ее сорокапятилетия – впрочем, за точность цифр Таш не ручалась – не было ни единого свободного места. Гости слетелись из самых разных уголков земного шара, для того чтобы выразить почтение этой удивительной женщине. Никто не задавал вопросов по поводу ее «темного» прошлого. Слухов вокруг нее клубилось много, но все они сходились в одном: Вивьен Гольдштейн, в девичестве Лоренс, будучи совсем юной, быстро сообразила, что молодость и красота не вечны, а держаться на плаву придется долго. Хотя она и представлялась как бывшая модель, по рассказам старожилов Нью-Йорка, деньги, влияние и связи были получены ею совсем иным путем, а именно – шантажом. Ведь, как известно, для достижения желаемого нам не хватает скорее настойчивости, нежели средств, и Вивьен была прекрасным этому примером.

В возрасте двадцати одного года Вивьен Лоренс, подрабатывая эскортом, еле сводила концы с концами. До тех пор, пока одна известная нью-йоркская мадам не представила ее одному известному влиятельному политику. Естественно, в возрасте и, естественно, женатому. После пятилетнего романа и дорогих подарков Вивьен потребовала более солидных вложений в свою жизнь, а конкретно – в недвижимость, на что политик, к ее огорчению, ответил отказом. На тот момент он уже нашел более молодую и более сговорчивую замену и попросил Вивьен освободить съемную квартиру. Вивьен была в бешенстве, но сдаваться было не в ее правилах. Она нашла молодого адвоката, занимавшегося вопросами выселения из квартир, и вдвоем они пригрозили политику громким процессом, на что он, в очередной раз, сказал нет. Разразился громкий скандал, о котором трубили все газеты и который почему-то затих так же быстро, как и начался. Сведущие люди утверждали, что политик заплатил молодым людям кругленькую сумму. Молодой адвокат Харви Гольдштейн обзавелся своей практикой, а Вивьен вышла за него замуж. Поговаривали, что адвокат испытывал страсть к мужчинам. Тем не менее у пары родилась дочка Стелла, чрезвычайно похожая на престарелого политика, сходство с которым никто никогда не подмечал вслух. За прошедшие с того времени почти двадцать лет состояние пары приумножилось благодаря успешным сделкам Харви, обеспеченных связями Вивьен. Сделки не отличались особой прозрачностью, но вдаваться в подробности никто не хотел. Влияние Вивьен разрослось до такой степени, что ни одно значимое светское мероприятие не проходило без ее участия. Гламурный образ жизни и доступ к сильным мира сего позволяли ей – за определенное материальное вознаграждение – сводить друг с другом «нужных» людей. Ах, если бы вы знали, сколько сделок было заключено с ее легкой руки, сколько сложилось прекрасных пар, сколько браков было разрушено!..

Едва завидев девушек, Вивьен поднялась из-за стола и устремила к ним навстречу.

– А вот и наши красавицы... – Она подвела Каролину и Таш к столу. – Как же я соскучилась по нормальным людям. До сих пор не могу прийти в себя после Канн, так устала от всей этой кутерьмы и выскочек. Каждый пытается что-то втюхать, куда-то попасть! Никакого достоинства! Кстати, познакомьтесь, – Вивьен повернулась к мужчинам, – это мои друзья из Нью-Йорка и Кейптауна. – Мужчины встали, чтобы поприветствовать дам.

Хорошо поставленным голосом и с отточенными годами мастерством Вивьен начала представления.

– Миссис Свенсен-Янг. В прошлом – Мисс Швеция. Вы все, наверное, знаете ее мужа, миллиардера Хью Янга.

– Бывшего мужа, – деликатно поправила ее Каролина.

Вивьен вопросительно взглянула на нее.

– Мы разводимся, – скромно улыбнулась Мисс Швеция.

Ни на миг не смутившись, Вивьен продолжила:

– Наташа или в простонародье Таш, – она выразительно посмотрела на Таш, – наша куколка, к тому же имеющая степень магистра, правда, не припомню, в какой области, – расмеялась Вивьен, – в общем, сочетание красоты и ума.

Таш застенчиво улыбнулась.

– Все познакомились, можно садиться, – распорядилась Вивьен, не дав мужчинам шанса представиться. – Теперь я могу продолжить жаловаться на этот ужас в Каннах. – Я помню былые времена, когда из Нью-Йорка до юга Франции просто так было не долететь. Не было этих вшивых трехзвездочных гостиниц по пятьдесят евро за ночь. Юг Франции был гораздо привлекательнее. Особенно в мае. А сейчас, вы только посмотрите, – она окинула взглядом сидящих вокруг людей, по всей видимости, олицетворявших падение нравов на юге Франции, – на Амфар¹ собирается весь сброд. Каждый пронира-стилист, пробивший себе дорогу в фэшн-индустрии своей ориентацией, – Вивьен почему-то бросила взгляд на Таш, – приводит туда жен нуворишей, которые оплачивают билеты ему и себе в обмен на шапочное «знакомство» с мировой элитой. Они садятся в засаду, выжидая подходящий момент, чтобы подскочить к третьесортному селебрити и представить ему новоиспеченную «светскую львицу» или гламурную жену чиновника или олигарха. – Она сделала глубокий вдох. – Правда, теперь «львицы» сменили ампула на дизайнеров одежды, инста-блогеров и психологов.

– Но, Вивьен, так было всегда, – вмешался высокий брюнет, сидевший от нее по правую руку. – Ведь проще купить славу, вместо того, чтобы ее заслужить. Как только на карте мира появлялась новая страна с растущей экономикой и высоким уровнем коррупции, разворовавшие народные деньги элиты тут же спешили прилипнуть к мировому бомонду.

– Я с тобой согласна, Ричард, но у них хотя бы были манеры... Сейчас же эти выскочки половину времени проводят в туалетах, припудривая носики. – Вивьен многозначительно закатила глаза.

Каролина и Таш переглянулись. Обе представили, какие манеры демонстрировала двадцать лет назад сама Вивьен, шантажируя своего престарелого любовника.

– Сегодня вечером большая вечеринка на лодке у нашего друга Альберто Висконти. – Ричард знал, что жалобы Вивьен не прекратятся как минимум час, и решил сменить тему разговора, – мы все приглашены.

При упоминании знакомого имени рука Каролины сильнее сжала половинку лимона, которую она выдавливала на карпаччо.

– Я не была бы так уверена по поводу «всех», – равнодушно уронила она, протирая мокрые от лимона руки салфеткой, – его секретарь позвонил мне неделю назад и отменил приглашения на все вечеринки Гран-при.

– Секретарь Альберто? Но почему? – недоумевал Ричард.

– Из-за Хью, – произнес низкий нерешительный голос.

---

¹ amfAR Gala – ежегодное благотворительное мероприятие, проводимое в Каннах во время Каннского фестиваля Американским фондом исследования СПИДа или amfAR (American foundation for AIDS Research).

Все взоры за столом обратились в сторону шатена с добродушно–круглым лицом, молчавшего большую часть разговора. Марк – это ему принадлежал нерешительный голос, – словно стесняясь повышенного внимания к себе, кротко опустил глаза. Но тут же, поняв, что, возможно, перешел дозволенные границы, посмотрел на Каролину, пытаясь угадать ее реакцию.

– Именно так, – ответила Каролина, увлеченно доедая остатки карпаччо.

Воодушевившись ее реакцией, добряк добавил:

– Как это в стиле Хью, – и, напугавшись собственной храбрости, отвел взгляд.

Каролина была заинтригована. Казалось, этот мужчина хорошо знал Хью. Сам же Марк, неожиданно осознав, что последняя ремарка вызвала в женщине неподдельный интерес к его персоне, залился краской. Сказанные им слова требовали пояснения, но он не знал, с чего начать.

– Я позже вам объясню, – сбивчиво промолвил он.

Присутствие Каролины действовало на него странным образом: он смущался и нервничал. Слово она была неким уравнением, которое он непременно должен решить.

Каролина улыбнулась, и шальные искорки заиграли в ее глазах. Марк поймал этот неприужденно-озорной взгляд и быстро отвернулся, опасаясь выдать свое стеснение.

*****

С балкона десятого этажа, удобно устроившись на деревянном шезлонге, Таш смотрела на синюю гладь моря. Яхта Альберто Висконти медленно скользила в сторону порта. Таш вдохнула теплый влажный воздух и закрыла глаза. Она представила, как всего через несколько часов будет танцевать на этой яхте в своем шикарном платье с серебристыми ручейками из стразов. Как загремит музыка вальса и мгновенно заглушит перешептывания гостей, любопытствующих, кто же эта незнакомка. Как она закружится в вихре танца, пытаясь разглядеть лицо своего партнера.

– Чему ты улыбаешься? – Ее грёзы были прерваны Каролиной, только что закончившей свой туалет. Длинное черное платье с глубоким разрезом дополнялось лишь красной помадой.

Таш бросила взгляд на стоявшие рядом с шезлонгом усыпанные кристаллами туфли.

– Ты не дала мне домечтать, а я как раз пыталась рассмотреть лицо своего прекрасного принца, но, я надеюсь, – она повела взглядом на туфли, – мне не придется из-за него терять эту туфельку. Я потратила на эти «Лабутен» все свои сбережения.

– Сумасшедшая... Ты должна быть экономнее. Не следует спускать последние деньги на туфли. – Каролина назидательно сдвинула брови. – Не представляю, как ты позволяешь себе такой образ жизни на модельные гонорары.

*****

Яхта Альберто Висконти почти скрылась за мысом Форума Гримальди.

Всего неделю назад в этой квартире на десятом этаже дома номер двадцать семь по авеню Принцессы Грейс Каролина Свенсен-Янг, высокая, статная, с точеными чертами лица, стояла, прислонившись к стене.

– Спасибо, что предупредили, – Каролина повесила трубку. На секунду в ее оливковых глазах промелькнуло отчаяние, но, взяв себя в руки, она прошептала сквозь зубы: – Еще посмотрим, кто кого.

Это было уже пятое по счету отозванное приглашение за последние несколько дней. Хью выполнял свое обещание. Когда за три дня до этого он получил письмо из адвокатской конторы Андреи Пеклтон, известной победами в самых громких бракоразводных процессах, он тут же набрал номер своей все еще супруги и, не дождавшись ответа, прокричал на автоответчик:

– Ты еще пожалеешь об этом, дешевая сучка! Без меня ты – никто! И очень скоро ты это поймешь...

Каролина оглядела комнату. Тут и там громоздились нераспакованные коробки с вещами, недавно доставленные из Лондона. На секунду она закрыла глаза, и перед ней вновь всплыло побелевшее от испуга лицо мальчика за миг до того, как он выпрыгнул из ее супружеской кровати и скрылся за дверью в ванной. Вздрыгнув, она отпрянула и поспешила на воздух – от балкона тянуло желанной свежестью. Она устала только что приплывшую белоснежную парусную красавицу «Принцесса Океана», гордо бросившую якорь возле Форума Гримальди. Всего пять минут назад секретарь Альберто Висконти, владельца яхты, по телефону проинформировал Каролину, что, «к глубочайшему сожалению синьора Висконти, в лист приглашенных для просмотра гонки «Формулы-1» внесены изменения: власти потребовали ограничить количество гостей на лодке, и синьор Висконти крайне огорчен, что не сможет увидеть миссис Янг у себя на мероприятии».

*****

Своего будущего мужа-миллиардера Хью Янга Каролина встретила четыре года назад. Худощавый шатен с веснушчатым лицом и взглядом нашкодившего школьника. В свои сорок он носил какую-то подростковую одежду, что лишь усугубляло нескладность его фигуры. Единственный отпрыск могущественного рода, он беззаботно прожигал молодость на танцполах Ибицы и Сен-Тропе, пока однажды его жизнь круто не изменилась.

В одно прекрасное утро, проснувшись – а лет ему было тогда двадцать восемь, – Хью решил быть трезвым до последнего своего дня. Никто так и не узнал, что побудило его стать на праведный путь. Одни говорили, переборщил с наркотиками, чуть было концы не отдал, другие – что спяну кинулся с ножом на подругу, и влиятельным родителям еле удалось замять дело в полиции. Как бы то ни было, с того прекрасного дня ни одна капля алкоголя и ни один грамм кокаина не проникли в его организм. Семейные связи и врожденный нюх распознавать потенциальные возможности в бизнесе помогли ему повернуть несколько крупных сделок: свести нуворишей из развивающихся стран с крупными политическими фигурами из Европы и Америки. Вместе они учредили фонд, которым Хью успешно управлял и по сей день. Он слыл заядлым холостяком и тяготел к моделям, с особым трепетом выделяя несовершеннолетних девственниц из Восточной Европы.

Каролина к тому времени успела поработать моделью, получить корону «Мисс Швеция» вместе с грантом на продолжение обучения в Кингс Колледж в Лондоне. В свои двадцать три, благодаря короткой стрижке, вздернутому носику и мальчишеской фигуре с маленькой грудью, она выглядела на каких-нибудь там семнадцать. Хью был сражен. Высокая, красивая, молодая, игривая, она бесконечно отвергала его ухаживания, предпочитая ровесников из университета. Он приглашал ее на свидания и засыпал подарками, но Каролина, воспитанная в лучших традициях шведского социализма, не привыкла ставить материальные ценности во главу угла. Его щедрость не производила на нее должного впечатления, и это еще более распяло его любовное пламя. Так продолжалось около полугода. Но наконец ему представился случай распушить хвост.

Младшая сестра Каролины Ханна жила в Нью-Йорке со своим бой-френдом, молодым художником из Мексики. Сестры что ни день перезванивались, и, когда Ханна несколько раз не вышла на связь, Каролина забеспокоилась. Консьерж сообщил, что не видел их вот уж неделю. Каролина не находила себе места. Родители не знали, что делать. Они обратились в полицию, но полиция отказалась что-либо предпринимать, пока с момента исчезновения не истечет достаточно времени.

Когда Хью позвонил ей в пятницу в полдень, она была на грани отчаяния. Всклипывая, она рассказала ему о том, что случилось.

– У тебя есть американская виза? – было первым, что он спросил.

– Зачем мне виза? Я гражданка Швеции, виза мне не нужна, – удивилась она его наивности.

– Не беспокойся, нет проблем.

Спустя четыре часа они были в воздухе на пути в Нью-Йорк. Параллельно над делом работали частные детективы. Полиции были даны инструкции без промедления «открыть кейс об исчезновении».

– Извини, что самолет такой некрасивый, это не мой, – извинился Хью за чуть потертые сидения частного самолета, единственного свободного на тот момент в Хитроу. – Мы не могли лететь на моем: он не зарегистрирован на американскую корпорацию и тебе понадобилась бы виза.

Красота самолета была последним, что интересовало сейчас Каролину. Однако отзывчивость и оперативность Хью сработали в его пользу.

В Нью-Йорке детективы отрапортовали, что ее сестра в полной безопасности вне зоны действия сети в Эквадоре на экотрипе. Каролине ничего не оставалось, как провести с Хью уикенд, после которого в Лондон они вернулись как пара. Еще через месяц он сделал ей предложение, а летом они сыграли свадьбу.

*****

Спустя два года после свадьбы Хью, привыкший обладать и распоряжаться всем, что он имел, считал жену одним из своих приобретений, которое, как и все прочие, должно было находиться в его полном распоряжении. С каждым днем он позволял себе все больше и больше, требуя от нее безусловного подчинения. Он перестал скрывать свои романы, пеняя ей на ее якобы недостаточную сексуальность. Скандалы сменялись бурными примирениями и его раскаянием. И затем все повторялось. Новые унижения, оскорбления и очередные романы. Ночами она рыдала в подушку, стесняясь поделиться с кем бы то ни было своей бедой. Ведь это только ее вина в том, что она нежеланна. Лишь долгие сессии с психотерапевтом смогли убедить ее в обратном, что причиной его агрессивности была вовсе не она, а его биполярность и нарциссизм. Ее попытки отправить Хью к психотерапевту вызывали в нем еще большую ярость. В конце концов, поведение его стало невыносимым. После очередной безобразной ссоры Каролина улетела к родителям в Швецию, но через неделю, расстроганная его непрерывными звонками и просьбами о прощении, решила обрадовать его сюрпризом – вернулась.

Зная, что Хью должен быть на работе, она отперла ключом дверь и прошла напрямик в гардеробную. Из спальни послышался звук включенного телевизора. Хью? Он дома? Она отворила дверь. Телевизор и правда работал. Она поискала глазами пульт. И тут услышала легкий шорох. С кровати, из-под голубого сатинового одеяла, на нее смотрели испуганные глаза, прикрытые длинной челкой. После секундного замешательства из постели выскользнуло худое обнаженное тело. Каролина застыла на месте. Подросток лет шестнадцати, чуть не сбив ее с ног, быстро прошмыгнул в ванную. Послышался шум воды.

Очнувшись, она дрожащими руками нашарила в сумке телефон. Полиция! Но был ли он непрошенным гостем? Поразмыслив пару секунд, она решила подождать, что будет дальше. Когда-то же он выйдет из ванной? Мысли метались. Каролина судорожно прокручивала в голове возможные сценарии того, чему она оказалась невольной свидетельницей. До ее прихода мальчик, судя по всему, чувствовал себя в постели вполне вольготно, так что мысль о незаконном вторжении была отвергнута. Не походил он и на сына домработницы, решившего пожить жизнью хозяев, пока те на работе. Всеми способами она пыталась отогнать от себя последнюю,

самую омерзительную мысль... Но правда становилась все более очевидной. Каролина поразилась внезапно охватившему ее спокойствию. Что ж... Коли так... И все-таки она решила сделать звонок. Абонент на другом конце не заставил себя ждать.

– Я в нашей спальне, – ледяным голосом сообщила она. – Твой несовершеннолетний любовник заперся в ванной, и мешает мне принять душ. – Это было первое, что пришло ей на ум. Произнеся это, она отключилась, и села на край постели, не испытывая ни ненависти, ни ревности. Лишь чувство глубочайшего отвращения постепенно овладевало ею. Жуткая усталость давила на плечи. Посидев, она подошла к двери ванной и постучала.

– Эй! Я ухожу. Можешь выходить! – Она даже прониклась сочувствием к этому мальчику. Вот уж, наверное, вообразил себе все самые страшные варианты исхода дела.

Выйдя из дома, Каролина не стала терять времени даром, и напрямик поспешила в контору миссис Пеклтон. Это имя не раз звучало в кругу знакомых в связи с мультимиллионными бракоразводными процессами. По счастью, у той оказалась свободная минутка. При упоминании фамилии Янг, лицо Андреи Пеклтон расплылось в довольной улыбке: развод? Чудненько. Дама мгновенно прикинула размеры ставок. Клиентке она посоветовала немедленно собрать вещи и переехать из дома, вызвавшего у нее «глубочайшие эмоциональные переживания», в одну из их общих с мужем квартир, в которой ей хотелось бы проживать в дальнейшем. Первым же рейсом Каролина улетела в Монако.

*****

Ресторан «Остельри Жером» в деревне Ле Турби был маленьким семейным бизнесом. Всего на десять столов, и за одну из самых вкусных кухонь в мире гид Мишлен присвоил ему две звезды.

– Молодец, что надела невысокие каблукки, – Ричард заглянул под стол проверить туфли Таш. – Сегодня нас ждет длинная ночь. Хорошо, что идти недалеко. Ведь лодка Альберто на первой линии... – Как бы невзначай упомянул он. Такая парковка на период Гран-при, откуда гонка была видна как на ладони, обходилась Альберто в копеечку. Таш умиляла наивность Ричарда, на полном серьезе полагавшего, что весомость его знакомых, позволявших себе такие траты, добавляет веса и его персоне. Ведь для Альберто это был сущий пустяк, тогда как для Ричарда – недоступная роскошь.

– Я не уверена, что готова к длинной ночи.

Это был первый день отдыха Таш после изнурительных недельных съемок в дождливой Шотландии. Впереди ее ждали насыщенные выходные.

– Ты приехала с новыми силами. Это мы, вымотанные фестивалем, уже на последнем издыхании.

Интересуясь, почему Таш не приехала в Канны, Ричард не забыл упомянуть все мероприятия, которые она пропустила. Ей показалось, что, всякий раз произнося название очередного светского раута, Ричард возбуждался от ощущения собственной значимости.

– Я работала. В Шотландии, – Таш робко поправила волосы. Ее не наигранная скромность только раздувала его чувство превосходства.

– Весьма многозначительное заявление из уст столь юной девушки, – произнес он с некоторой снисходительностью. – Когда же ты будешь наслаждаться жизнью? Сейчас самое время. Тебе надо гулять до рассвета и брать от жизни все, что можешь взять, как будто этот твой день – последний. Это говорю я, человек в два раза старше тебя. Сколько тебе лет? Двадцать – двадцать три?

– В июле исполняется двадцать семь.

Ричард уже успел выдать всю нужную информацию о себе и решил поподробнее разузнать о своей собеседнице.

– Ну а что вы снимали, в Шотландии?

– Эпизод одного телесериала. Им нужны были модели с натуральными темными волосами, белой кожей и светлыми глазами. Оказалось, таких не так много, – неохотно ответила Таш. Ей не нравился Ричард. Не нравились его хвастовство, его тон, надменность. С каждым его вопросом ей становилось все скучнее.

– Да уж, редкое сочетание. И кого вы играли?

– Сирен... – Она достала телефон и сделала вид, что ей срочно надо ответить на сообщение.

– Вы ходили голые? – голос Ричарда нарочито понизился в хрипловатость. – У тебя есть фотографии?

– Ричард, съемки строго конфиденциальны. Даже если бы у меня и были фотографии, я не смогла бы их вам показать.

Таш развернулась в другую сторону.

За весь ужин она так больше и не повернулась к Ричарду, несмотря на его многочисленные попытки привлечь ее внимание. Она отлично знала этот типаж. Они вечно крутятся вокруг моделей, думая, что это прибавит им сантиметры в трусах и количество нулей на банковских счетах.

Музыка с «Принцессы Океана» разливалась по порту. На набережной змейкой выстроилась очередь желающих подняться на борт. На входе царил полная неразбериха. Охранники, проверявшие приглашения, не справлялись с потоком гостей, одетых во фраки и вечерние платья. Как обычно, на Гран-при количество приглашенных и просто желавших проскользнуть на вечеринку заметно превышало вместительность самой вечеринки.

Поскольку Альберто Висконти вычеркнул Каролину из списков, Марк, как настоящий джентльмен, предложил составить ей компанию на его собственной лодке, стоящей неподалеку. Выстояв очередь и, наконец, поднявшись на борт, Таш, сознательно потеряла назойливого Ричарда, повсюду следовавшего за ней по пятам. Вкусив дурманящий запах свободы, она забралась на самую верхнюю палубу. Здесь было немногочисленно. Вооружившись бокалом шампанского, она расположилась на дальнем диване в надежде побыть одной. Море и небо за ровными рядами подсвеченных лодок сливались на горизонте в одно черное пространство. Таш наслаждалась темнотой. Легкий бриз резвился в ее длинных волосах, а струйки из стразов на платье сверкали на свету словно серебряные чешуйки. Проходивший мимо официант долил в ее бокал шампанского. Сделав маленький глоток, она с удивлением обнаружила в нем привкус дуба. Интересно, какие еще ноты получится уловить? Ей показалось, что она почувствовала вкус и даже запах бисквитного торта, мысль о нем заставила ее улыбнуться. И, возможно, сандаловое дерево... Этот запах ей что-то напоминает. Но что?

– Привет, Русалка. Тоже сбежала? Прячешься от толпы? – приятный баритон прервал ее дегустацию. Таш обернулась. Но увидела лишь темный силуэт в ярком свете прожектора. Владелец баритона приблизился, и она разглядела джинсы и голубой пуловер, надетый на голое тело. Когда мужчина наклонился, чтобы чокнуться с ней, Таш вздрогнула. Горло перехватило.

– Чемоданы в порядке? – Ироничная улыбка заиграла на его загорелом лице... Его смелый взгляд блуждал от ее испуганных глаз к глубокому декольте. Таш сгорала от стыда. Ее щеки пылали. И как она могла принять его за носильщика?! Как пренебрежительно она с ним общалась!.. Боже праведный ...

– Я могу смотреть на море часами, – тихо сказал незнакомец, устраиваясь рядом с ней. – С детства. Я вырос в Южной Африке, – казалось, он и не ждал от нее ответов, – можно сказать,

что меня воспитали пингвины. Милые птички, – рассмеялся он. Ей показалось, что в его голосе промелькнула тоска по тем беззаботным временам.

– Интересное ощущение, – Он глядел вдаль, – Тебе не кажется, что мы с тобой на необитаемом острове? – он развернулся к ней, чтобы рассмотреть ее внимательнее.

Смуглое лицо девушки было осыпано золотистыми веснушками, заметными даже в тусклом свете фонаря. Миндалевидные глаза под пушистыми ресницами влажно сияли. Она смущенно улыбалась, не произнося ни слова. Из динамика лился блюз.

– Потанцуем, Русалка?

Он взял ее за руку и потянул за собой. «Girl, I don't know, I don't know why, I can't get enough of your love baby²», – пел Барри Вайт. Таш кинула взор на ноги незнакомца и неожиданно ее разобрал смех. На нем были те же самые мокасины, что и днем.

– А!.. вот ты где, – интимность была нарушена Ричардом. – Мы уходим.

Ричард обращался к Таш, напрочь игнорируя присутствие ее партнера.

– Ты была права, тут нечего делать, Вивьен и Зак уже ждут нас на пирсе.

Незнакомец недоуменно смотрел на Ричарда. Тот встал рядом с ними, словно заявляя свои права на Таш. Заметив ее растерянность, он быстро взял ее под руку и повел к лестнице. Она безропотно подчинилась. Уже у самой лестницы ее вдруг охватило чувство, что она упускает что-то важное в своей жизни. И в последний момент, обернувшись, наконец, разлепила губы:

– М...мы... увидимся?

– Конечно, – широко улыбнулся в ответ незнакомец.

*****

Лодка Марка стояла неподалеку. Мужчины перешли на виски, а Каролина и Вивьен смаковали шампанское. Из салона был слышен джаз.

Каролина устроилась на соседнем с Таш шезлонге.

– Марк рассказал мне, откуда он знает Хью. – Каролина выдохнула дым от тлеющей в руке сигареты. Пепельница была полна окурков с кроваво-красными следами ее помады. – Много лет назад, когда Марк создавал свой первый фонд, его главный проект был в Ливии. И завязан он был на одного высокопоставленного чиновника, обеспечивающего поддержку Муаммара Каддафи. – Каролина потянулась за сумкой, чтобы достать очередную пачку сигарет. – Марк работал над этой сделкой несколько лет. Хью возник на последнем этапе, чтобы распространить его и на другие африканские страны. – Каролина закурила пятую за последний час сигарету. – Хью, используя свои связи, убедил Каддафи, что чиновник – это лишнее звено, впрочем, как и Марк, ведь все и так на мази. Каддафи засадил чиновника за решетку и разорвал договоренности с фондом Марка, заменив его на фонд Хью. А потом, – Каролина понизила голос и взглянула на Марка, что сидел чуть поодаль, – Хью попытался сфабриковать дело и обвинить Марка в финансовых махинациях, но, слава Богу, суд его оправдал.

Марк и Зак перебрались в салон, подалее от суеты шумного променада. Ричард расхаживал по лодке взад-вперед, то и дело, попадая в объектив туристов с прицеленными фотокамерами. Со стороны его можно было принять за хозяина лодки. Этот образ давался ему с легкостью. А Вивьен вполне могла сойти за хозяйку. Закурив очередную сигарету, Каролина бросила ироничный взгляд на гарцующую перед туристами парочку.

– Как же от них отличается Марк! – Она вздохнула.

Все это время Таш безотрывно смотрела на променад. В толпе она искала своего незнакомца. И представляла себе, как, проходя мимо, он увидит ее и уведет с собой.

---

² Девочка, я не знаю, я не знаю, почему я не могу насытиться твоей любовью, детка (англ)

*****

Золотистые сандалии Таш шлепали по дорожке клуба «Монте-Карло Бич». Кабана Каролины находилась во втором ярусе клуба в самом дальнем конце. Ветер раздувал полосатые зонтики и срывал с нарядных курортниц широкополые шляпы. Таш подошла к тенту. Одинаковые поло цвета морской волны с бежевыми слаксами на Анне и ее муже Нике заставили ее улыбнуться. В выборе гардероба чувствовалась рука Анны. Как коренная жительница Нью-Йорка, она считала созданный ею образ квинтэссенцией стиля Хэмптонс, излюбленного места для восхождения по социальной лестнице. Правда, Анна решилась внести небольшие акценты и дополнила образ замшевыми мокасинами в цвет поло и поясами «Эрмес». Таш усмехнулась. Вот что выдает нуворишей? Да, они подглядели и скопировали простой и элегантный стиль в модных журналах. Но не удержались и добавили немного «от себя».

Таш познакомилась с Анной в Нью-Йорке задолго до ее замужества, через общую подругу Катю. Под маской надменности Таш сумела разглядеть в Анне ум и проницательность. Анну же покорили искренность и доброта Таш. Образованные и начитанные, они любили подтрунивать над Катей – то заманив на лекцию по философии на французском языке, на которой, несмотря на отличное знание французского, Катя не поняла ни слова; то отдав ее на растерзание экспертам современного искусства на благотворительном ужине в музее Метрополитен. Эти шалости сблизили девушек еще больше, и они поняли, что их дружба продлится вечность.

Хотя природа не одарила Анну модельной красотой, но смилостивилась над ней при раздаче ума. Анна быстро смекнула, что статус, который являлся для нее мерилем всего, обитает вовсе не на неделях моды, а в Принстоне, и четыре года своей жизни посвятила изучению литературы.

Анна потягивала апельсиновый сок.

– Мы наконец-то отдохнули от суеты Канн, – своим зевком Анна выразила смертельную усталость от напряженного графика Каннского кинофестиваля, точнее, от бесконечных вечеринок, на которых ни ее присутствия, ни присутствия ее мужа Ника, не имеющих ни малейшего отношения к киноиндустрии, вовсе не требовалось.

Таш уже в третий раз за день рассказывала ей подробности вчерашнего вечера и, не находя себе оправдания, корила судьбу:

– Какая же я мямля!, – она сморщила от досады носик. – Как же я позволила этому ужасному Ричарду увести себя как маленького ребенка? Мы даже не представились. Теперь, плакали и Фэйсбук, и Инстаграм.

– Успокойся.

Анна развалилась на полосатом шезлонге, спрятав лицо от солнца под газетой «Файненшл Таймс».

– Еще увидишься со своим носильщиком. Тоже мне, нашла из-за кого расстраиваться! Даже имени не знаешь. Может, он и правда носильщик или стюард на лодке? Здесь по вечеринкам ходит кто попало. – Она осуждающе посмотрела на проходившего мимо работника пляжа.

– Пойду-ка я окунусь, – обиженно протянула Таш. – И, между прочим, у него аристократический акцент.

Скучающие хозяева соседних тентов лениво повернули головы, наблюдая за перемещением по пляжу «новенькой морячки» – девушки в «слишком откровенном» белом в синюю полоску купальнике. Эстафету осуждения подхватили и «тела» на пирсе, напоминающем лежбище морских котиков. Морячка на секунду застыла и наклонилась вниз, словно что-то проверяла, затем нырнула рыбка в воду и красивым кролем поплыла к горизонту..., то бишь к краю загона, заботливо огороженному сетью от кишасщих в Средиземноморье медуз. «Вечно эти месячные начинаются в самый неподходящий момент! Да я еще и в белом купальнике, –

думала она по пути к буйкам. Она взглянула на сети. – Неплохо бы такие заградительные сети поставить и на берегу, спасая отдыхающих от ядовитых взглядов наземных горгон».

Таш смотрела вдаль. Небольшая парусная лодка раскачивалась на волнах. Таш показалось, что на палубе она увидела девушку. Ее белоснежное платье развевалось на ветру. Она прикрыла плечи роскошной шелковой шалью. Неожиданный порыв ветра сорвал шаль с ее хрупких плеч. Но теперь она была не одна, белокурый парень обнимал девушку сзади, защищая своим теплом от шквального ветра. Так они стояли... Она тонула в его объятиях, чувствуя себя защищенной от бед и напастей. Бук качнуло сильнее – налетевший порыв ветра заставил Таш открыть глаза. Она тоскливо посмотрела в сторону горизонта и поплыла обратно.

Когда Таш вернулась, Анна все еще недоумевала, как подруга с такой молниеносной скоростью успела присвоить своему носильщику титул и наделить его акцентом представителей высшего класса.

– Стюарды вполне могут быть голубых кровей, правда, Ник? – Анна повернулась к мужу, который наконец-то нашел применение «Файненшл Таймс» по назначению.

– Что дорогая? – Ник отвлекся от своей газеты.

– Могут ли стюарды быть голубых кровей? – повторила она.

– Дорогая, в современном мире нет места ни классовости, ни расовой и социальной принадлежности. Твои рассуждения делают тебя вульгарной. – Ник снова уткнулся в газету.

– Ник, – Анна подергала его за руку, – именно поэтому ты принадлежишь ко всем возможным членским клубам мира, чтобы там пообщаться с черными рабочими из Стратфода? И сейчас мы лежим не на общественном пляже, а в закрытом клубе, благодаря членству Каролины, – Анна оседлала любимый конек политических и социальных споров с Ником.

– Любимая, это просто ради удобства и комфорта, а вовсе не из-за социального расслоения. Все люди равны.

Анну раздражала политкорректность Ника. Родившись с серебряной ложкой во рту³, он любил порассуждать о классовом равенстве. По мнению Анны, его чрезмерное уважение ко всему работающему на них персоналу, в особенности к повару, которого он считал милым другом, было просто нелепым. Домработница крутила им как могла, до тех пор, пока в дом не пришла Анна и не расставила все по своим местам. Она сразу же ввела, если не классовую, то хотя бы рабочую субординацию, где домработница как минимум исполняла обязанности, вмененные ей работодателем, а не наоборот.

– Ты себе, как обычно, нафантазировала. Встретишь его опять, если судьба, – Анна легла и прикрыла лицо полотенцем, тем самым показывая, что разговор окончен.

«Если судьба...» – вздохнула Таш.

---

³ Английский аналог русского фразеологизма «родиться в рубашке».

2. Как исправить ошибки родословной

Сардиния

– Ах ты, старый развратник! – звон смачной оплеухи заглушил хруст металла, смявшегося от удара о твердую терракотовую плитку. Серебряное ведро неторопливо покатилося в сторону бассейна, оставив содержимое – горку из кусочков льда – таять на палящем итальянском солнце. Немолодые дамы, лежавшие по соседству, высунули головы из-под пляжных зонтов отеля «Кала ди Вольпе», больше похожих на шляпы вьетнамцев.

Толстая, словно мешок набитый картошкой, тетка оттаскивала своего орангутанга–мужа от деревянного лежака, на котором вот уже несколько минут пышногрудая блондинка безуспешно искала удобное положение для никак не помещавшихся на шезлонге длиннющих ног.

Катя Волкова, или, как она сама себя называла, Волкофф, поставила ступню со свежим красным педикюром на гладко подстриженную траву. Голубые стринги, расшитые пайетками, будоражили воображение особей противоположного пола, в поле зрения коих она попадала.

– Еще пять минут, и идем обедать, – буркнула она, обращаясь к Таш.

Даже посягательство на ее святая святых, о которой она отзывалась не иначе как о «храме благочестия и добродетели» и в которую угрохала не один год тренировок и десятки тысяч баксов, не могло отвлечь Катю от чтения газеты «Дэйли Мэйл». Вот уже час Катя не выпускала из рук любимую газету, жадно вчитываясь в последние новости мира богатых и знаменитых. Таш не тревожила подругу, уважая ее неотъемлемое конституционное право на любовь к миру шоу–бизнеса. Сводки важнейших международных событий – таких, как торговая война с Китаем или кризис в Венесуэле, Катя черпала из «Татлера» и «Нью-Йорк Пост». «И, конечно же, в Венесуэле у Мадуро нет ни единого шанса, – считала она, – ведь у Хуана Гуйдо такая красивая жена!» Катя рассматривала наряды первых леди, размышляя, как одевалась бы она, стань она одной из них. «А ведь эта роль не так уж и недостижима.» Живя в Нью-Йорке, Катя не раз попадала на страницы светской хроники, без нее не обходилась ни одна шумная вечеринка или модный показ. А горячо любимые ею таблоиды неоднократно приписывали ей романы с сильными мира сего на шестой странице.

– Ты только глянь, – она помахала газетой перед лицом Таш, – Хью снова заказал статью про Каролину.

Таш неохотно взяла в руки «Дэйли Мэйл». На любительском фото была запечатлена их подруга Каролина, углубившаяся в телефон у входа в магазин «Шанель». Подпись: «Проверяю, достаточно ли у меня средств на счету». Сама же статейка грязно высмеивала Каролину, отрезанную от средств к существованию собственным мужем.

– Зачем ты читаешь эти газетенки? – Таш брезгливо бросила газету на деревянный столик между ними.

Всего пару дней назад Каролина сообщила, что Марк задержался в Монако после Гран-при и, как истинный джентльмен, помогал ей разбираться с делами.

– А ну отдавай обратно...

Заботливо разгладив газету, Катя снова углубилась в чтение.

*****

Впервые она увидела Катю на даче у бабушки Ханны. В то дождливое утро бабушка забрала ее из дома, потому что там было очень душно и набилось много народу. Мама, с белым, как будто измазанным мелом лицом лежала на кровати, а незнакомые люди подходили к ней, целовали и почему-то плакали. Папа проводил их до поезда и долго не выпускал Таш из своих объятий. Всю дорогу неопрятный мальчик в клетчатых шортах, который был взрослее Таш, носился по вагону и кричал «Сдавайся! Ты низвергнут!», размахивая воображаемой саблей.

Она знала, что в общественном месте надо вести себя тихо и уважать других людей. Поэтому она спокойно смотрела в окно и ни разу не заплакала. В Москве они пересели в желтое такси и долго ехали на дачу с вокзала. На подъезде к бабушкиному дому водитель резко затормозил. Почти из-под колес выскочила высокая белокурая девочка, похожая на фею. Она задорно расмеялась и полетела дальше, преследуемая оравой кричащих гномов.

Катя была любимицей всего поселка. Таш с восхищением наблюдала, как ловко она управлялась с мальчишками. Одним лишь взглядом она притягивала понравившихся ей парней и одним словом отшивала назойливых ухажеров. Преклонялась Таш и перед Катиной красотой. Катя была настоящей «столичной штучкой», достойной восхищения окружавших ее мальчиков. Сама же Таш была обычной девчонкой, по счастливой случайности попавшей, как она тогда думала, в эпицентр жизни на Земле – поселок Переделкино под Москвой. Когда один из местных парней обратил внимание на нее – невысокую голубоглазую девочку с толстыми косичками, Таш, покраснев, убежала. Больше всего на свете она боялась, что они раскроют ее тайну. Что она – не одна их них. Что ее мама умерла, а они с папой, «клошаром», который завел семью, не придумав, как ее обеспечить», как любила повторять бабушка Ханна, остались жить в небольшом городке. И что тот самый клошар назвал ее дурацким именем Таш, как он говорил, «в честь Наташи Ростовой».

Таш ненавидела свои непослушные вьющиеся волосы и выстригала затылок, чтобы косички не казались такими толстыми. Ненавидела свою худобу и невысокий рост. Она завидовала прямым золотистым волосам Кати, ее осанке и грациозности. Катя напоминала ей прекрасную принцессу из сказок Андерсена. Каждое лето, когда она приезжала к бабушке на каникулы, Таш находила в Кате все новые черты для восхищения. Конец этому преклонению был положен в один прекрасный день, когда она приехала на дачу и обнаружила, что Катя состригла свои золотистые локоны в каре. В этот день Таш впервые увидела себя иначе: в зеркале отразилась копна блестящих каштановых волос вместо ненавистных кудрей... Теперь у нее было что-то лучше, чем у Кати. Но она пока не могла понять, что с этим можно сделать. Ответ пришел в виде мальчика по имени Леша. Леше было четырнадцать и о нем мечтали все девчонки в Переделкино. Два последних года Катя и ее подруга Рита боролись за его благосклонность, поочередно добываясь его расположения. Но на этот раз Леша остановил свой выбор на так похорошевшей за зиму Таш. Она вытянулась, наконец-то расплела свои нелепые косички, ее худощавое тело обрело округлые формы, а глаза заблестели тем самым дьявольским огоньком, присущим только что перешагнувшим порог половой зрелости девицам. Все еще не привыкшая к своему новому статусу «красивой», Таш по инерции отказала ему в свидании. Леша же проявил настойчивость, и к середине лета все Переделкино знало, что Леша влюблен в Таш. Теперь даже Катя увидела Таш в новом для себя свете. Раз Леша выбрал ее, значит, она чего-то стоила. Одним солнечным утром Катя постучалась к ней в дверь и предложила дружить. К удивлению Таш, ее страшная тайна не только не оттолкнула Катю, но даже укрепила их дружбу. Катя решила заботиться о своей несчастной подружке как о сестре. Что касается Леша, его эти новости повергли в невероятный восторг, и все лето он с павлиньей гордостью платил за Таш в местном кафе и возил ее на экскурсии по столице.

Сто восемьдесят сантиметров роста, неизменное каре и востребованная андрогинная внешность позволили Кате десять лет беззаботно вышагивать на подиумах Парижа и Нью-Йорка. Однако детские грезы о подлинной красоте смущали ее покой. Катя задалась целью подогнать себя под свой идеал, немного увлеклась и, случайно, переделала в себе практически все. Агентства терпеливо наблюдали за ее метаморфозами, но последнюю инновацию – увеличение груди до четвертого размера – простить ей не смогли. Путь на подиум был для нее навсегда закрыт.

Ничуть не огорчившись такому повороту событий, пышногрудая блондинка с накопленными опытом и состоянием, со статусом топ–модели и миллионом подписчиков в Инстаграм вернулась в Москву в надежде захомутать себе мужа.

*****

Спустя полчаса Катя медленно поднялась с лежака и стала натягивать на себя шелковую тунику, расшитую стразами.

– Вставай, лентяйка, пошли обедать, – скомандовала она. Ее резкий низкий голос больше подходил заправскому шоферу, нежели сексапильной модели с лицом ангела.

Уже неделю девушки гостили в доме четы Стоу на Коста Смеральда. Ник был перво-классным хозяином, и, дабы не сковывать самостоятельность незамужних подруг жены, сразу по прибытии выделил им машину. Винтажный вид миниатюрного «Фиата панда 4х4» привел Катю в неимоверный восторг. Она настояла, чтобы Таш запечатлела ее на фоне столь демократичной машины во всех ракурсах – на водительском сидении, на капоте, она даже забралась в багажник. И все для того, чтобы убедить миллионы подписчиков в Инстаграм, что и топ–моделям не чужды простые радости.

Льняные шорты и белая футболка подчеркивали смуглость кожи Таш. Катя недоумевала: как это подруга, укрываясь от солнца, умудрилась заполучить ровный бронзовый загар? Невероятно. И почему Таш все так легко достается?

Девушки грациозно продефилировали к столу, за которым уже потягивали коктейли Анна и Ник. Ник предусмотрительно выбрал место поближе к бассейну, чтобы подругам было удобнее перемывать косточки проходящим мимо гостям. Пребывание в доме незамужних подруг супруги стало для него привычным делом. Он терпеливо выслушивал бесконечные рассказы об их романах и испытывал особую гордость, оказываясь привлеченным в качестве эксперта.

– Ник, как ты считаешь, если мы уже... – Таш не успела закончить фразу, ее прервала Катя:

– Не оборачивайся...

Катя смотрела в сторону моря. После этих слов Таш ничего не оставалось, кроме как обернуться и увидеть только что причаливший к берегу тендер. Ей хватило доли секунды, чтобы опознать в одной из фигур Алекса. Да, это был он.

– О нет! – уронила она тихим шепотом. – Это мой крест? И скелеты из прошлого будут преследовать меня всюду?

Приподнятое прекрасной погодой и шампанским настроение разом упало.

– А как ты хотела? К определенному возрасту, – Ник тактично выдержал паузу, – и с определенным укладом жизни, – он прищурился и поднял бровь, пытаясь показать, что ее уклад жизни не вписывается в приемлемые для него рамки, – количество скелетов значительно превосходит количество возможных мест отдыха, что чревато конфликтом тех и других.

Он сделал глоток шардоне, ненадолго задержал его во рту, пытаясь уловить новый, незнакомый ему букет. Он улыбнулся своей находке – эта была нотка собственной гениальности.

Однако долго смаковать свой новый статус ему не удалось.

– В твоих словах отсутствует всякая логика, – громко отрезала Таш.

Тихий голос Таш становился уверенней лишь в двух случаях. Первый был прозаическим – когда она позволяла себе выпить лишнего. Второй можно было отнести к разряду психологических – когда она садилась на свой любимый конек «сложных умозаключений», как прозвала их Катя. Для прозаического случая еще было рано, поэтому Ник имел дело с эпизодом психологическим.

– Даже если количество скелетов зашкалит за количество всех стран мира, вероятность встречи с ними в определенных местах отдыха абсолютно не зависит от их количества, а скорее, от их предпочтений ездить в эти места.

Анна оглядела стол. Как же ей наскучили эти дискуссии!

– Мне кажется, с логикой у вас обоих большие проблемы, – передвигая тарелки, резюмировала она.

И очень в том ошибалась.

*****

Поезд сбавил ход. Чемодан из черного кожнозаменивателя подпирает дверь купе со стороны тамбура. На пластиковой бирке с картиной Эдварда Мунка «Крик», болтавшейся из стороны в сторону в такт движению поезда, синей шариковой ручкой было подписано «Н. Романова». Через заляпанное окно поезда, прибывшего на четвертый путь Казанского вокзала, Таш высматривала в толпе встречающих бабушку Ханну.

На этот раз, вместо обычного ворчания и воспитательных укоров, бабушка встретила ее с неожиданной теплотой. Первый раз в жизни Ханна Штейнер была горда за свою внучку. А гордиться ей было чем! Таш приехала победительницей – победительницей Всероссийской олимпиады по математике для школьников. И своей победой она обеспечила себе место в Университете. Шутка ли! Уже который год Ханне не терпелось вырвать Таш из рук ее никчемного папаша и наставить внучку на путь истинный. И вот судьба подарила ей эту возможность. «Пускай поживет у меня в Переделкино, я успею промыть ей мозги. Хватит терять драгоценное время. Папаша не смог содержать семью, не смог заработать, так и дочку втянул в сушную глупость – бесплатные курсы для бедных, в их-то дыре... Зачем ей какие-то бедняки в провинции, когда она может блистать в столице! С такой-то красотой! Надеюсь, она будет умнее, чем ее мамаша, и не пойдет замуж за неудачника...» Ханна, прослезившись, погладила Таш по голове.

– Распусти волосы-то, – не удержавшись, строго проговорила она. – Чтобы я этот хвост больше не видела. Ты красавица – не смей этим не воспользоваться!

С первых же дней пребывания внучки в столице бабушка перешла в наступление.

– А нашу соседку Катю взяли в агентство. Модельное, – как бы невзначай сообщила она. Пергидрольная маникюрша аккуратно подпиливала ногти, слушая, как Ханна Генриховна наставляла внучку на путь истинный.

– Тебе тоже надо сходить. Ты ничем не хуже ее. – Она придиричиво оглядела внучку, облаченную в домашние шорты и майку. – Слава Богу, внешность тебе досталась от мамы. – Ханна с грустью взглянула на фотографию красивой молодой женщины, висевшую в коричневой рамке над столом. – А мозги у тебя, я надеюсь, мои. Твои родители в жизни бы не выиграли ни одной олимпиады.

– Бабушка, – Таш присела напротив нее за стол. Она сглотнула, набрала в рот воздуха для храбрости и быстро выпалила: – Не надо так про папу. Ты же знаешь, что он старается.

– Ты забыла? Никакая я тебе не бабушка. – Ханна контролировала каждое движение новой маникюрши. – Называй меня Ханна. Дома тренируйся, чтобы не брякнуть на людях. Как в мои сорок восемь у меня может быть семнадцатилетняя внучка?

Пергидрольная маникюрша попыталась скривить рот в заискивающей улыбке, но, встретив ледяной взгляд Ханны, тут же вернулась к своей работе. Весь поселок знал, что Ханна любила приврать про свой возраст, особенно мужчинам. Она и вправду выглядела гораздо моложе своих шестидесяти пяти. Этой холодной хичкоковской блондинке так и не суждено было встретить своего единственного. Папа говорил, что Ханна была обречена на одиночество из-за невыносимого характера.

История ее личной жизни была скелетом, запрятанным глубоко-глубоко в самом темном семейном шкафу. Таш слышала, что бабушка Ханна родилась в Западной Сибири, куда прабабку и прадеда, этнических немцев, в тридцать седьмом сослал Сталин. В шестидесятые годы, когда их реабилитировали, они вернулись обратно в Москву. Несмотря на перенесенные страдания, прадед, известный биолог, до конца своих дней считал себя советским человеком и оставался приверженцем коммунизма. В период «оттепели», когда часть советских немцев эмигрировали в ФРГ, он остался верен СССР и категорически отказался уезжать. Молодая Ханна отбыла в Германию в семидесятом, сразу после подписания договора между ФРГ и СССР об отказе от применения силы. Что конкретно произошло в Германии, никто так и не узнал, но через два года Ханна вернулась в СССР с годовалой дочкой, немецким паспортом и пачкой немецких марок, на которые родителям тут же была куплена квартира, а она с дочкой переехала в Переделкино. В загсе маму Таш записали как Анну Генриховну Штейнер, по имени и фамилии прадеда. За свою долгую жизнь Ханна разбила не одно сердце, но так и не решилась соединить свою судьбу с кем-то одним. Всю любовь она отдала дочери. Анна унаследовала от матери красивое лицо и безупречную фигуру, но, в отличие от Ханны, ее красота вышла не утонченной, а какой-то дикой и свободной. Ханна мечтала, что Анна станет актрисой и будет блистать на сцене МХАТ и на экранах Мосфильма. Она таскала дочь на бесконечные кружки, водила на тренировки, развивала в ней талант к ораторству и актерскому мастерству. Вместо этого Анна поступила в Строгановку, на первом курсе забеременела от однокурсника – «клошара» – и после окончания института уехала с ним в провинцию. Ханна не могла смириться с таким бездумным поступком дочери и напрочь отказалась принимать их союз. Только на похоронах дочери она наконец-то подошла к «клошарю» и потребовала, чтобы с этих пор все летние каникулы Таш проводила у нее в Переделкино. Так продолжалось вплоть до окончания школы, когда Ханна настояла на том, что на время обучения в Университете Таш будет жить у нее.

В агентстве объявили, что для подиума ей не хватает пары сантиметров роста, зато с ее лицом открыт путь в рекламу для глянца и телевидения. Пригодился и ее немецкий паспорт, служивший в детстве предметом насмешек одноклассников, прозвавших ее радистка Кэт. Предусмотрительная бабушка Ханна позаботилась, чтобы все члены семьи, за исключением «клошара», получили паспорта. Он давал фору перед другими соискательницами для работы за границей.

Как и предполагала бабушка Ханна, столичная жизнь увлекла Таш соблазнами. Если на первый курс Университета Таш шла с твердым желанием грызть гранит науки, то ко второму она целиком окунулась в тусовку. Утренние лекции были настоящим кошмаром после бессонных ночей на танцполах. На лекциях она отсыпалась, только благодаря природному уму Таш все-таки постигла тайны маркетинга. Университет, съемки и вечеринки служили неисчерпаемым источником для новых знакомств. Романов, на которые намекал Ник, тактично описывая их как «определенный уклад жизни», было действительно немало.

Первые два курса она честно провела под бабушкиным крылом в Переделкино. За это время Ханна сумела выбить из ее головы «отцовскую бессребреническую дурь» и «вселить» на ее место здоровый прагматизм. К третьему курсу Таш уже зарабатывала деньги на съемную квартиру и искусно жонглировала богатыми ухажерами, готовыми на все за ее распускающуюся как весенний цветок красоту.

*****

Впервые увидев Таш, Алекс сразу решил: эта девушка будет его. Для достижения цели в ход пустил все: звонки, цветы, «случайные» встречи. Подруги признали его «идеальным»: молод, красив и богат... Разве не сказка?

Под натиском со всех фронтов она сдалась. Они переписывались без остановки, говорили пять раз в день, строили совместные планы, и он даже познакомил ее со своей мамой. Но в один ничего не предвещавший декабрьский день Алекс пропал. Таш приняла это, убедив себя, что на то были веские причины. Меж тем, суть происшедшего еще долго не давала ни ей, ни ее подругам, покоя.

Наблюдая за мучениями супруги и ее подруг, выдвинутыми теориями исчезновения Алекса: начиная от несчастного случая до появления в его жизни другой, Ник сжалился над представительницами слабого, а, соответственно, менее сообразительного пола и приоткрыл завесу его таинственного исчезновения.

– Значит, он в тебе не увидел ту единственную! – Ник безуспешно пытался разрезать артишок. – Хотите, я открою вам страшную тайну и назову причины, по которым мужчины исчезают, – Таш и Катя одновременно затаили дыхание. – Записывайте!

Девушки устроились поудобнее.

– Причин несколько. Итак, первая: плохой секс. У каждого есть свои фантазии, и, если их не учесть, он быстренько отыщет местечко, где их реализовать. Причина вторая: опять секс, но на этот раз не довольна сексом ты. Ты либо жалуешься, либо недостаточно выражаешь свой восторг. Причина третья: ты уж очень стараешься женить его на себе. А он не готов ни к чему серьезному и не хочет зря обнадеживать. Причина четвертая: ты пытаешься его контролировать и не готова подстраиваться под его ритм жизни, все-таки, большинство мужчин хотят чувствовать себя лидером и ожидают уступок. Причина пятая, – Ник посмотрел на Катю, – когда на тебя уходит куча усилий. Это сильно утомляет.

Катя демонстративно скривила губы:

– Не хотят, не надо. Всегда найдутся другие!

– Причина шестая, – невозмутимо продолжил Ник, – отсутствие уважения. Ты указываешь ему, что делать, а это, зачастую, унижает мужское достоинство. Причина седьмая, – Ник опять посмотрел на Катю, – выпрашиваешь подарки. Мужчины любят дарить подарки, но ненавидят, когда им на это намекают.

– Все индивидуально, – обиженно произнесла Катя, – а как они поймут, что надо подарить, если не намекнешь?

Ник самодовольно улыбнулся, оценивая произведенный его речью эффект.

– Причина восьмая: когда воспринимаешь все как должное и не выражаешь благодарности за предпринятые усилия. Причина девятая... – Ник на секунду задумался.

– И список тут бесконечен... – вмешалась Таш. – Тебе не кажется, что сейчас ты просто перечислил то, что важно тебе?

– Вы замуж хотите? – ушел он от ответа. – Могайте на ус!

Анна посмотрела на него с умилением. Второго такого добряка было не сыскать. Ведь он со всеми находил общий язык, мог сгладить любые конфликты и никогда ни на кого не обижался.

– Анна, объясни, пожалуйста, своим подругам, что мужчину, хотя бы первое время, – добавил он, – надо хвалить, лелеять и потакать всем его прихотям. – Ник смаковал свое положение гуру, раздающего советы неопытным женщинам. – Спросите-ка у моей жены, как она себя вела до того, как мы поженились, и как часто высказывала свои пожелания или выражала недовольство... – Ник подмигнул Анне. – Зато сейчас она замужем и вертит мной, как пожелает.

– Заставить мужчину жениться – это искусство, а вот удержать – тяжелая работа. – с гордостью произнесла Анна. О том, что Анна высидела Ника, знали все, и он, порой, шутил, что их брак – показательный пример того, как после свадьбы у мужчины открываются глаза, а у женщины – рот.

– И, потом, девушки, не забывайте, – Ник улыбнулся темноволосому официанту, который разливал вино по бокалам, – вы находитесь в глубоко конкурентной среде... И если этого не сделаете вы, то обязательно найдется другая, обладающая ярким стремлением выйти замуж, каковое было у моей драгоценнейшей супруги, – Ник поцеловал Анну в щеку. – И эта другая виртуозно провернет все так, что мужчина и не заметит, как окажется под венцом.

– Ладно, я ухватила главную мысль, – подытожила Таш, – буду холить, лелеять и глупо улыбаться! И весь стол разразился громким смехом.

*****

Алекс шагал по гладко подстриженной изумрудной траве. Капитан Люка, старый загорелый итальянец с морщинистым лицом, умудрился найти им свободный стол на обед в ресторане отеля «Кала ди Вольпе». В пик сезона спокойная Коста Смеральда превращалась в справочник «Кто есть кто». Герои «Татлера!» и «Вэнити Фэр» отмечались на острове хотя бы на пару дней и разлетались по другим курортам. «Два дня этой бесполезной суеты, и мы уплывем на Корсику. Главное – не напороться на знакомых», – на этой мысли он увидел улыбающееся загорелое лицо своей недавней пассии. Ее подруга Катя, не стесняясь, провожала взглядом его друзей. Алекс замешкался. Это была его первая встреча с Таш после невнятного расставания. Однако увидев ее улыбку, он избавил себя и окружающих от неловкости, неизбежной при незакрытых гештальтах, и улыбнулся в ответ.

– Алекс, – Катя требовательно дернула его за руку, как только он поравнялся с ее стулом, – сейчас же познакомь меня с твоими друзьями! Как такие красавцы могут пропадать зря?

«Красавцы» усаживались за соседний стол. Почти все они были знакомы ей по романам с ее подругами. Ну и что! Когда Катя после бурного и космополитичного Нью-Йорка, где предложение женихов значительно превышает спрос, благодаря постоянному притоку новых рекрутов со всего мира, съезжавшихся туда работать, учиться или просто жить, неожиданно очутилась в, на ее взгляд, провинциальной и закрытой Москве с весьма ограниченным предложением и высочайшим спросом, она с прискорбием заключила, что неизбежность пересечений неотвратима. И не без внутренних терзаний приготовилась сложить дружбу на алтарь великой любви.

Спустя час жаркое солнце Сардинии и три бутылки совместно выпитого шампанского обеспечили необходимое сближение их компаний. Ник был рад наконец-то оказаться в мужском окружении. При всей любви к жене и симпатии к ее подругам, неделя в женском коллективе изрядно утомила его. Тем временем Катя уже воображала себя в роли желанной самки оленя из «Нэйшнл Джиографик», за которую вот-вот начнут драться пятеро молодых самцов.

*****

Алекс, устроившись на корме тендера, любовался красотой изрезанной береговой линии, дикого пляжа и лагуны с причалом, к которому были привязаны моторные лодки для путешествий на близлежащие острова. За обедом Ник рассказал, как его отец приобрел землю в одном из живописнейших уголков острова, возле отеля «Ромаццино», еще во времена Ага Хана.

Дом гармонично вписывался в ландшафт и издали походил на дома хоббитов на холмах Шира из романа Толкина, создавая картину единения архитектуры с природой. Ровно в семь тендер с компанией из шестерых молодых людей пришвартовался возле дома четы Стоу.

Пожилой итальянец в униформе проводил молодых людей на верхнюю террасу. Алекс подошел к перилам и взглянул на участок сверху. Ничего себе! Прямоугольной формы, он состоял из четырех уровней. Береговая линия у дома оказалась гораздо длиннее, чем он мог себе представить. Со стороны моря дом утопал в густом тропическом саду. Сбоку виднелись два теннисных корта и бассейн с водопадом. Но настоящей кульминацией архитектурной мысли явилась именно верхняя открытая терраса с видом на море, не оставлявшим равно-

душными даже самых искушенных гостей. Здоровый рыжий диск отражался всеми оттенками красного в спокойной синеве моря.

Хозяин дома в белом льняном костюме сидел на оттоманке из стеганой коричневой кожи. Он стряхнул пепел от наполовину выкуренной сигары в стоящую перед ним хрустальную пепельницу и поднялся, чтобы поприветствовать гостей. Ник, со школьной скамьи обожавший тематические вечеринки, ввел в своем доме правило каждый день одеваться в новом стиле. Сегодняшней темой был голливудский шик. В воздухе витал запах свежей лаванды и розмарина, а из музыкальных колонок лился блюз Мадди Вотерса «I just want to make love to you». Катя в длинном зеленом платье, выбирая исключительно выигрышные ракурсы, позировала не менее гламурной Анне на фоне заката для инстаграм. Таш в струящемся платье раскинулась на софе и на ломаном итальянском пыталась объяснить домработнице, что ей нужна соль, чтобы отмыть только что поставленное на платье пятно. Неделя загара под ласковым солнцем Сардинии сделала свое дело – Таш выглядела великолепно. Взгляд Алекса задержался на глубоком вырезе ее платья, прежде чем опуститься к злосчастному пятну. Алекс взял домработницу под руку и на чистом итальянском прошептал:

– *Puoi per piacere dare il sale alla bella signora?*⁴

Радостная домработница, улыбаясь, закивала и убежала выполнять поручение галантного сеньора.

– Сегодня в Италии Феррагосто⁵! Все пьют и гуляют. А у нас с Ником традиция: мы провожаем солнце с бокалом в руках и загадываем желания! – Анна поочередно подходила к гостям, приглашая их пройти к кованым перилам, чтобы сполна насладиться морским зрелищем. – Загадывайте желания!

– А они сбываются? – оживилась Катя.

– Конечно, глупенькая! Все, чего очень хочется, обязательно сбудется!

Таш поднялась с софы и подошла к перилам. Алекс наблюдал за ее движениями. «Интересно, какое она загадает желание?»

Катя решила не откладывать с желанием. Она оглядела друзей Алекса: «Господи, ну до чего же хороши! Вот бы один из них повел меня завтра на шопинг...» «Ах, да, я тут, как обычно, вне конкуренции» – тут же вспомнила она, – «даже не буду тратить желание на такую ерунду». И Катя углубилась в поиск альтернативы. «Я хочу такой же загар как у Таш, – решила она, – и еще, чтобы внешние кончики бровей были повыше».

Пока Ник мечтательно наблюдал за заходящим солнцем, Анна взглядом инспектировала террасу: «Да, небольшой ремонт дому вовсе не помешал бы». Но сейчас ей было не до этого. Деньги нужны на другое. Она во что бы то ни стало хочет заполучить драгоценности Саманты Льюис. Ее муж, Итон Льюис, только что получил срок за отмывание денег, и слух о том, что она на нуле и распродает бриллианты, вот уже несколько дней циркулировал в осведомленных узких кругах. А бриллианты у нее были что надо! За пятнадцать лет совместной жизни, пока дела у Итона дела шли в гору, Саманта собрала одну из самых завидных ювелирных коллекций в Лондоне. «Да, с колье надо поторопиться, чтобы четвертого сентября надеть его на день рождения к маркизе». Эту местную аристократку прочили Нику в невесты, пока не появилась Анна, и она придет в ярость при виде бриллиантов на ней. Эта мысль привела Анну в состояние возбуждения, и она нежно потрепала мужа по голове.

Ник посмотрел на жену. Как ему с ней повезло! Заботливая жена, прекрасная хозяйка! Единственное, чего им не хватает для полной гармонии, это ребенок. Им нужен ребенок!

Взгляд Алекса то окунался в теплоту средиземноморского заката, то возвращался к холодным, будто из мрамора, плечам Таш. «Она так элегантна и так красива! Если бы она тогда

⁴ Не могли бы вы, пожалуйста, дать соль прекрасной даме? (ит.)

⁵ Успение Богородицы или Вознесение.

поняла меня! Если б разглядела мой потенциал! Ведь я всего добился сам! А не благодаря дядиным связям, как она тогда язвительно заявила. Мне нужна понимающая женщина!».

«Что бы такого загадать?» Мысли Таш метались между кашемировым пальто «Лора Пьяна», так запавшего ей в душу вчера в бутике в Порто Черво, и желанием, чтобы ее одобрили на рекламу «Колгейт». «Но если заполучить «Колгейт», можно купить это пальто, и не только. Значит, «Колгейт». Она украдкой взглянула на Алекса: «Да, еще очень хотелось бы, чтобы он наконец-то понял, какую ошибку он совершил, бросив ее». Итак, она хочет...

Ее мысль прервал бархатистый голос Барри Вайта. Зазвучала знакомая мелодия. «I can't get enough of your love, baby⁶» – разливался по террасе мягкий баритон. Алекс и кашемировое пальто превратились в две малюсенькие точки и растворились во влажном воздухе Сардинии, в то время как нахлынувшие воспоминания завладели всем существом Таш. Алекс любовался, как тонкий шелк платья струится от ее плавных движений. Лицо Таш озарилось улыбкой, и в последних лучах заходящего солнца ее плечи уже не казались холодными, а светились теплом оранжевой терракоты. Таш кружилась, как будто вокруг не было ни души. Ведь теперь она точно знала, что ей загадать...

*****

Седовласый Джанни, хозяин ресторана, знал Ника с рождения, то есть, как бы Ник ни хотел обойти этот факт, уже почти пятьдесят лет. Он прекрасно помнил и деда Ника, возглавлявшего Центральный Банк Англии, и лорда Стоу, отца Ника и одного из самых влиятельных людей Великобритании. Джанни знал, что после смерти лорд Стоу оставил в распоряжение сына многочисленные траст-фонды и недвижимость в разных уголках планеты. Однако приверженность к использованию исключительно частной авиации и флота, оплата увлечений многочисленных друзей и любовниц требовали вложений. Пришлось продавать дома сначала в Нью-Йорке, потом в Санкт-Моритце, а затем, и в Лос-Анджелесе. Дивидендов от денег, надежно упрятанных в траст-фонды, управлявшихся, зачастую не самыми чистоplotными трастовыми управляющими, не хватало на поддержание уровня жизни, привычного избалованному сыну. Прагматичная Анна, в шутку называвшая мужа «Ник, промотать все», после свадьбы поставила семейный бюджет под жесткий контроль, значительно сократив расходы на антураж, который, не получая привычных вливаний, вмиг испарился.

– Сардиния идет тебе на пользу, ты стала еще красивее, – Алекс отодвинул стул, помогая Таш сесть, и занял место подле нее. – Я скучал по тебе...

Отец бросил их с матерью, когда Алексу было три года. С каждым днем сходство между ним и отцом становилось все явственней. словно желая выпустить боль, причиненную мужем, мать доставала ремень и порола Алекса за малейшую шалость. С годами боль поутихла, уступив место благоговению перед его феноменальным умом, красотой и способностями. За последние несколько лет ее брат, дядя Алекса, сделал головокружительную карьеру и возглавил крупную госкорпорацию. И теперь все бизнесы отрасли выстроились в очередь, чтобы заполучить племянничка к себе в совет директоров. После некоторых раздумий Алекс сделал свой выбор.

Таш была редкой птицей в его послужном списке и выбивалась из череды зрелых и состоявшихся партнерш. Он, как маленький тиран, жаждал обожания и не терпел малейшего неповиновения.

В тот злополучный для Таш день Алекс топтался перед зеркалом, выбирая костюм для первого рабочего дня.

---

⁶ «Мне нужно еще больше твоей любви, детка...» (англ.)

– Какой лучше? – Он держал в руках два голубых галстука.

– Какая разница... ты можешь прийти в кроссовках и трениках, никто и глазом не моргнет. Пока твой дядя предоставляет им льготы, у тебя иммунитет на критику...

В глазах Алекса сверкнула молния. «Как она могла предположить, что меня взяли из-за дяди!? Вот же, глупое создание! С моей новой работой надо найти кого-то посмекалистей...»

И он ей больше не позвонил.

– Ты ведь тоже не позвонила мне, – продолжил он.

Она хотела было обширно высказаться, но прикусила язык, вспомнив наставления Ника. Да, ей льстило внимание Алекса. Может быть, возможен реванш?

– Я... – неуверенно начала она, но была прервана громким смехом, раздавшимся позади. Она обернулась.

Каждый раз, когда речь заходила о любви, ей вспоминалась репродукция картины Франсуа Буше «Четыре сезона. Весна». Картина висела над ее детской кроватью. Она навсегда запомнила ту овечку, что подглядывала за молодыми любовниками, укрывшимися в тени сказочного дерева. Розовощекая девица держала в руках корзинку с цветами, а влюбленный юноша нежно поправлял цветочную заколку в ее волосах... Впоследствии, когда папа рассказал ей историю Буше, Таш узнала, что салоны Маркизы де Помпадур, любовницы короля Луи XV и главной патронессы художника, были так же далеки от возвышенной любви и благочестия, как и сама Маркиза, но именно тот идеалистический образ, та сладкая пастораль навсегда запали ей в душу как образ настоящей любви. Молодые, беззаботные, упоенные друг другом....

Не раз она слышала и о любви с первого взгляда. А бабушка всегда твердила, что любовь – это развлечение для богатых. Умные люди всегда выбирают заботу, деньги и статус. И все же Таш не теряла надежды.

– Анна, – негромко окликнула она подругу. – Это он! – Таш кивнула в сторону соседнего стола, где смеялись. – Тот парень с лодки! – Ее голос дрожал, щеки порозовели.

Компания молодых людей заняла самый большой стол в ресторане. Холеные загорелые лица с вызывающе белозубыми улыбками настолько органично вписывались в интерьер ресторана с белыми скатертями и занавесками, что можно было подумать, режиссер намерено рассадил тщательно отобранных моделей по заранее спланированным местам, пытаясь воссоздать картину трапезы в раю. Анна пригляделась к одному из парней. Таш не ошиблась: молодой человек действительно оказался чертовски хорош собой. Волнистые русые волосы обрамляли мужественное лицо с четко очерченным волевым подбородком. Большие голубые глаза были посажены немого ближе обычного. Но его это вовсе не портило, а, скорей, даже украшало. Во всем его облике чувствовались порода и воспитание. Анна перевела взгляд на его соседку. Ничем не примечательное лицо не выражало абсолютно никаких эмоций. Ее взгляд нервно блуждал по залу в поисках какого-нибудь объекта, достойного ее внимания. Одетая вызывающе просто – в белой футболке. Волосы стянуты сзади в пучок. Для столь популярного заведения, куда большинство дам старалось принарядиться, это выглядело немного пренебрежительно. Такая невероятная уверенность в себе, конечно же, выдавала ее происхождение. То самое происхождение, когда «бедные маленькие богатые девочки»⁷, не блистающие ни красотой, ни умом, ошибочно принимают внимание и преклонение перед родительскими деньгами за свое обаяние, таланты и ум. Приглядевшись повнимательнее, Анна поняла, что где-то уже

---

⁷ От названия фильма о богатой наследнице – Барбары Хаттон.

видела это лицо. Ей понадобилась минута, чтобы вспомнить, откуда она ее знала. Да, так и есть. Это была дочка их соседа Альберто Висконти...

– Девушка рядом с ним – живет по соседству с нами, – Анна все еще рассматривала компанию молодых людей, – ее папа какой-то итальянский аристократ. Из той самой аристократии, которой не существует, – с ухмылкой добавила она⁸... – Я попрошу Ника пригласить их на ужин.

Анна относилась к Таш как к младшей сестре, которой у нее никогда не было. Готовая во всем ее поддержать, Анна осознавала, что, к сожалению, бедняжке придется рассчитывать лишь на саму себя. Вдобавок в последнее время на ее шею сел отец, получавший мизерную зарплату и еле сводивший концы с концами. Анна вынуждена была согласиться с покойной бабушкой Ханной – Таш просто не могла позволить себе роскошь под названием «любовь». Роскошь, на которую могли рассчитывать бедные маленькие богатые девочки, как дочка Альберто Висконти, и да, черт возьми, даже Катя, заработавшая состояние на подиуме. Таш оставалось довольствоваться участью, к которой ее так упорно готовила бабушка, а именно – монетизировать свою красоту наилучшем образом, женив на себе какого-нибудь миллионера.

Сама Анна была типичной белокурой американкой с ухоженной кожей и безупречной укладкой. Рожденная в семье богатого американского банкира, с самого детства она грезила о статусе и признании. Родители дали ей все, что могли, – любовь, заботу, деньги и образование в Принстоне. Но Анна была ненасытна. Не найдя ни одного достойного титулованного кандидата в университете, она уехала в Европу в надежде окрутить какого-нибудь европейского аристократа, но, потерпев фиаско, вернулась в Америку. Она дотянула до тридцати, чтобы понять, что качество мужчин вокруг не улучшалось, и наконец-то снизила планку. Ника Стоу, которому на тот момент исполнилось сорок пять, она встретила на одном из званых вечеров в Хэмптонс, и, прознав, что англичанин был с титулом, бросилась на абордаж. Анна обожала тусовки и светские рауты, и Ник, с его огромным количеством нужных знакомств, идеально подходил ей на роль мужа. Она, в свою очередь, оказалась находкой для Ника – идеальная хостес, образованная и рассудительная, она умела сделать тонкий комплимент, выбрать правильный подарок и написать учтивое благодарственное письмо. Брак Анны вызвал нестерпимую зависть ее честолюбивых университетских подруг, которые по простоте душевной повыскакивали замуж за зеленых однокурсников с их прекрасными родословными и семейными деньгами, однокурсников, на тот момент казавшихся им вершиной социальной лестницы. Кто ж мог подумать, что Анна Бэйли, с ее невнятными чертами лица, заполучит себе английского лорда! Выйди она замуж за парня своего возраста и среды и роди она ему троих карапузов, проживи с ним в полной идиллии долгие годы, никому и в голову не пришло бы завидовать ей, но замужество с английским аристократом – совершенно другое дело...

Долгие годы Анна наблюдала за жизнью Кати в Нью-Йорке. Обладая ясным умом, она быстро осознала свою удачу быть рожденной в обеспеченной американской семье. Она знала, через что Кате, иммигрантке из России, пришлось пройти в начале карьеры, – жесткая конкуренция, отсутствие денег, проблемы с визами, недосып, подозрения в корысти – прежде чем она стала закаленной и успешной моделью. А Таш? Таш глубоко ошибалась, когда говорила, что для головокружительной карьеры на подиуме ей не хватило нескольких сантиметров роста. Да будь она на голову выше Кати, в Таш, наделенной необыкновенной красотой, не было ни жесткости, ни амбиций Кати. А в мире моды выживают лишь сильнейшие.

---

⁸ Итальянская конституция 1948 года упразднила монархию и, признав себя Республикой, упразднила все титулы.

– Прекрати за нее решать, – часто одергивал Анну Ник. – Будь у Таш хоть доля целеустремленности Кати и твоя уверенность в себе, она бы переплюнула вас по всем статьям. Но она хочет другого. Ей не нужны миллиарды и титулы, она просто хочет быть счастливой.

Однако Анна на правах старшей сестры всеми силами направляла Таш в правильное, на ее «абсолютно объективный» взгляд, русло.

*****

Алекс пребывал в замешательстве. И вправду говорят, «если вы хотите узнать, что на самом деле думает женщина, смотрите на нее, но не слушайте.» Интерес Таш внезапно переключился на Анну. А потом Таш не спеша, плавно покачивая бедрами, в платье, обнажающем ее смуглую спину, прошла в дамскую комнату...

Анна со своей позиции наблюдала за маневром, который был проделан Таш с виртуозностью, выработанной годами практики. Цель была достигнута. Девушка привлекла внимание доброй половины посетителей мужского пола, а незнакомец украдкой стал то и дело поглядывать в ее сторону.

До Алекса начало доходить происходящее у него под носом. Ярость и ревность терзали его, но сдаваться он не собирался. Он призвал в союзники Ника и предложил как можно быстрее переместиться из ресторана на лодку. Пока Алекс обсуждал с Ником планы, Анна и Катя описывали Таш происходящее за соседним столом.

– Он смотрит сюда, – докладывала обстановку Анна.

– Да, но он не проявляет должного внимания, – сетовала Катя. Она считала: мужчина должен завоевывать женщину, а женщина должна ответить полной капитуляцией.

В ее словах был резон. Ведь если это была любовь с первого взгляда, все должно было устроиться само собой. Он должен был унести ее из ресторана на руках или сразиться, как настоящий рыцарь, за ее честь с Алексом и потом унести на руках, в крайнем случае, взять ее, как неприступную крепость, и потом унести на руках. Но в этой сказке точно не было сценария, по которому она, чтобы обратить на себя его внимание, проходит мимо, а он даже не пытается с ней познакомиться.

Таш вдруг почувствовала себя неуютно. Ее открытая спина показалась ей слишком голой, ее вечернее платье – неуместным, уложенные волосы – претенциозными. Она ненавидела Ника за эту его глупую идею голливудского шика. Ей казалось, что компания сзади обсуждает их нелепые наряды и тихо посмеивается. И зачем она в этом дурацком платье, когда все его друзья в джинсах?

– Мне кажется или ошибаюсь: я совершенно не вписываюсь в его компанию? – прошептала она на ухо Анне. – Такое впечатление, что нам прислали приглашения на разные вечеринки. Нам – black tie, а им – casual.

– Не переживай, – Анна еще раз внимательно оглядела ресторан, – если кто тут и не соблюдает дресс-код, так это явно не мы. Посмотри, все разряжены в пух и прах.

Таш посмотрела по сторонам и поняла, что Анна права.

– Так почему же меня не оставляет чувство, что между нами не пара метров, а глубокая пропасть?

– А это потому, моя дорогая, что так оно и есть, – вмешалась Катя. – От денюшек их родителей тебя действительно отделяет не пропасть, а целая вселенная. И этот ваш сосед из итальянской аристократии может купить всех в этом ресторане со всеми потрохами, а ты, моя дорогая, не можешь даже заплатить за наш ужин.

Анна посмотрела на Таш. Она закусила губу, глаза набухли слезами.

– К тому же, – не унималась Катя, – не забывай про их происхождение, им такие, как мы, не нужны... Наши прадеды чистили им ботинки, а с бабками, пока они были молоды и красивы, они развлекались по ночам на сеновале. Вот я ни за что не буду встречаться с аристократом с его скучными традициями, по мне, так новые деньги лучше всего!

– Не говори ерунды, Ник женился на мне...

– Ой, да ладно, – не дослушала Катя. И перевела взгляд на Таш: – Лучше синица в руках, чем журавль в небе, – и она показала глазами на Алекса.

– Значит, я и сама воробей, – заключила она вслух, и тут же поняла, что за столом воцарилась гробовая тишина. Первым нарушил молчание Ник.

– Посмотри на свое платье, жар-птица.

Официант поставил перед ничего не понимающим Ником стакан виски.

Алекс понял, что настал его момент. Сейчас или никогда. Он должен был любым способом устранить конкурента.

– Ты самая красивая девушка, какую я когда-либо встречал. – В нем звучал тот самый мужчина-завоеватель из сказки, под напором которого, по теории Кати, женщина должна была капитулировать. – И я не понимаю, почему я не сказал тебе этого раньше.

Его слова становились все более лестными, внимание – пристальнее, а забота – трогательнее. Он возносил ее на пьедестал. Он каялся и говорил, что только в разлуке понял, насколько она ему дорога.

*****

«I've lived the life that's full, I traveled each and every highway, and more, much more than this, I did it my way⁹», – Таш напевала «My Way» Фрэнка Синатры, встречая первые лучи солнца на палубе с бутылкой шампанского в руках. Платье развевалось на ветру в такт ее движениям.

– Знаешь, что я только что поняла? – Анна, уставившись на Таш, развалилась на белом диване, – Эта песня должна стать твоим девизом. Your way... Так как этого хочешь ты... Правда, Ник? – Она обратилась к Нику, тихонько похрапывающему по соседству.

– Не буди его, я сейчас попрошу, чтоб его отнесли в каюту. – Матрос с легкостью взвалил Ника на плечи и унес. И уже хорошенько набравшаяся Анна поспешила за ними.

– Смотри, какой красивый вид, – голос Алекса звучал вкрадливо.

Лодка стояла на рейде напротив отеля «Кала ди Вольпе». Желто-красный диск солнца быстро поднимался из-за горизонта, отражаясь красной дорожкой в бирюзовом море. Царил полный штиль, и только голос Фрэнка Синатры из динамиков нарушал тишину.

– Пошли в каюту...

*****

Таш провела ладонью по скомканной простыне. Шелковистый египетский хлопок нежно ласкал обнаженное тело. В каюте была кромешная тьма, пока она не открыла шторы и не впустила внутрь золотистый поток. Таш сладко потянулась, встала и побрела в ванную. Ковер щекотал ее босые ноги мягким ворсом.

На стенах ванной светлые мраморные плиты чередовались с деревянными панелями из венге. Комната походила на гигантскую шахматную доску из дворца падишаха. Посередине стояла купель из черного камня на барочных бронзовых ножках. «Какая красота! Да ведь эта комната в два раза больше моей теперешней гостиной!». Таш открыла кран, чтобы наполнить купель водой, и хотела было присесть на край. Но камень, еще не успевший прогреться от воды, полоснул холодом ее ягодицы. Она вскочила, и взгляд ее остановился на большом овальном

---

⁹ «Я жил полной жизнью, я путешествовал по всем дорогам и даже больше, гораздо больше, чем сейчас, я делал это по-своему...» (англ.)

зеркале, висевшем напротив. Из зеркала в массивной позолоченной раме смотрела красивая молодая женщина. Она была сильной, решительной и уверенной в себе. Журчание набирающейся воды ослабевало, постепенно стихнув. Таш перекинула ногу через гранит и погрузилась в воду с головой. Там, под водой, она приоткрыла глаза. Ей привиделась крошечная комнатка, отделанная серой плиткой с розовыми цветочками, и желтая резиновая уточка, издававшая при небольшом нажатии истошный крик. Рядом – мамин ситцевый халат, всегда надеваемый при купании дочки. На миг Таш почудилось, будто она слышит папин шепот: «Ты должна быть честной с самой собой! Никогда не предавай себя!». А следом – предсмертный хрип бабушки Ханны: «Пообещай мне, что не повторишь судьбы своей матери». И только от мамы не прозвучало ни слова...

Таш вышла из купели, небрежно отряхивая мокрые волосы. Она вновь взглянула на свое отражение, но на этот раз ее взгляд был другим. «Я должна быть здесь не случайной гостьей, я должна быть хозяйкой».

Завтрак накрыли на нижней палубе. Неужели она спустилась последней? Герои минувшей ночи в полном составе оживленно обсуждали предстоящий обед. На полу она заметила кипу бумажных пакетов, перевязанных ленточками.

– Выспалась? – Алекс выглядел по-утреннему свежо, футболка слепила белизной, на шортах не замялось ни единой складки. Таш смущенно покосилась на свое мягкое платье и поправила волосы.

Ник, как обычно за завтраком, просматривал свежий номер газеты «Ла Стампа», одновременно просвещая Катю, какой вес семья Аньелли, которой принадлежала газета, имела в Италии.

– Они очень приятные люди, – Ник задержал во рту глоток «Винтаже Тунина» и произнес: – везде распустили свои щупальцы. Весь север Италии так или иначе принадлежит им. – Ник задвигал пальцами, пытаясь изобразить щупальцы осьминога.

– Это не мешает тебе водиться с этими осьминогами, – вмешалась Анна, размешивая сахар в кофе.

– Расскажи-ка нам лучше про нашего соседа Альберто. – Она бросила взгляд на Таш.

– О, Альберто, – Ник отложил газету, – он... он необыкновенный человек! – Эпитеты «прекрасный», «необыкновенный», «выдающийся» были привычными в его словаре. – Отец его был итальянский принц. Он хорошо знал моего отца, и, хоть Альберто и постарше, все летние каникулы мы вместе терроризировали местных ребятишек. Он рано женился, и наши пути разошлись. Насколько я помню, его жена не очень красива, но зато из какой-то знатной европейской семьи, к тому же баснословно богатой. Сначала он ухаживал за ее сестрой, но она предпочла ему другого, и он переметнулся на младшую. Ей только стукнуло семнадцать. Грузная, с широкой костью... Но он во что бы то ни стало решил ее захомутать, пока это не сделал кто-то другой. Альберто сумел склотить приличное состояние на связях ее семьи.

Обилие королевских кровей по соседству не могло оставить Анну равнодушной, и она тут же напомнила мужу об обещанном приглашении на ужин. Как оказалось, Ник, обладая врожденным чувством долга, уже позвонил Альберто и был проинформирован управляющим, что рано утром хозяева отбыли.

Анна наблюдала за Таш, пытаясь угадать, как на нее повлияло известие. Таш эта новость даже обрадовала. Ведь теперь не надо делать выбор между синицей и журавлем. И вопрос «судьбы» отпал сам собой. Она вынуждена была признать, что настойчивость Алекса доставляла ей удовольствие.

Тем временем Алекс понял, что обсуждение неизвестных ему королевских особ закончено, и поинтересовался, в котором часу Таш хотела бы поехать на обед.

– Но я в вечернем платье...

– Пока ты спала, мы с Ником съездили в гостиницу и купили все необходимое.

Ах, вот откуда большие пакеты с ленточками! Она рассмеялась и чмокнула Алекса в щеку. Он притянул ее к себе:

– Завтра мы уходим на Корсику. Ты не хотела бы присоединиться?

– Конечно, хотела бы, – ответила за нее Катя, – и я вместе с ней.

Сардиния успела ей наскучить, а перспектива недели в открытом море в компании красивых молодых людей возбуждала воображение. К радости Кати и огорчению Анны, Таш согласилась.

3. Как сыграть против правил и остаться в выигрыше

Москва

– Опоздываешь! – Алекс ждал ее возле входа в ресторан на Малой Бронной. Он демонстративно посмотрел на часы и, убедившись, что она опоздала на целых десять минут, сдвинул брови. – Ладно, пошли, – он расправил платок в нагрудном кармане пиджака и зашел в ресторан.

Таш задержалась из-за того, что Катя не отпускала ее, не показав все обновки, привезенные с Парижской недели моды. Переехав из Нью-Йорка в Москву, Катя приобрела уютную квартирку в историческом центре Москвы, на Патриарших прудах. Из-за удобного расположения она стала традиционным местом посиделок подруг.

– Я не сильно опоздала, не обижайся, – она виновато улыбнулась и погладила его по рукаву пиджака из тончайшей шерсти.

Таш, в голубых джинсах и черной футболке, органично вписывалась в непринужденную домашнюю обстановку с деревянными стульями, чугунными батареями и огромным шкафом-купе на входе. Стоял конец сентября. Бабье лето в полном разгаре, и гости предпочитали устроиться поближе к распахнутым настежь окнам. Рабочий день близился к концу. Улицы Патриарших начали заполняться «замкадышами» – так Катя в шутку называла приехавших из спальных районов в центр людей. Хостесс проводила их к столу. Алекс, любивший понаблюдать за происходящим вокруг, уселся лицом к залу.

– Катя сейчас подойдет, докрашивается. А где твои друзья?

– Паркуются... – Он пребывал в дурном настроении. Таш заставила его ждать!

– Могу себе представить, насколько это затянется...

Парковка на Патриках была задачей не из простых, и за неимением водителя, превращалась в бесконечное кружение по улицам и закоулкам в надежде, что кто-то наконец-то соизволит уехать.

Алекс наблюдал, как высокая фигура в бирюзовом плаще проталкивалась сквозь образовавшуюся у входа пробку из желающих получить стол. Мужчины сворачивали головы, провожая взглядом эффектную блондинку с большой грудью. Но Катя была не одна. За ней следовала элегантная молодая женщина невысокого роста, на вид лет тридцати пяти, одетая в голубой твидовый костюм «Шанель».

– Привет, Алекс, – Катя чмокнула Алекса в щеку. – Вот, встретила Эллу. Вы знакомы? – она обращалась к Таш.

– Нет, очень приятно, я – Наташа, – Таш протянула ей руку.

– А это ее парень Алекс, – представив, Катя уселась рядом с ним. Элле ничего не осталось, как сесть на свободное место напротив.

Таш с любопытством разглядывала гостью. Густые каштановые волосы, приятное лицо с чистой кожей. Ничего примечательного. Разве что жемчужно-белые зубы. Элла была похожа на аспирантку философского факультета. Для завершения образа ей не хватало очков в роговой оправе. Ее поведение было безупречным – она правильно выговаривала слова, ни разу не матюгнулась, а за ужас в глазах при виде вина, которое официант разлил по бокалам, она спокойно могла бы получить «Оскара». Элла вдохновенно рассказывала о своем творческом пути; о нескольких книгах, написанных «в глубокой молодости», которые привели ее к пониманию того, что ее призванием являлось вовсе не художественное слово, а режиссура, где она «наконец-то смогла выразить себя». Она повествовала о трудностях режиссерской работы, о своих творческих скитаниях между Лондоном и Лос-Анджелесом, о сценарии своего последнего фильма и о «незаполненном сосуде своей души»... Она говорила так долго и так увлеченно, что присоединившиеся к столу друзья Алекса начали переглядываться, надеясь сменить тему.

Но Элла нашла благодарного слушателя и продолжала посвящать Алекса в истории со съемочных площадок Голливуда. Он не мог оторвать от нее глаз. Мудрая, зрелая... Элла соглашалась с каждым его комментарием. Ее умные серые глаза излучали восхищение. Так на него смотрели лишь неопытные провинциалки и мать.

Таш незаметно ущипнула Катю, показывая глазами, что для анализа ситуации назрел поход в туалет.

– Мы на секундочку, – с беглой улыбкой уронила, – Не хочешь с нами?

– В уборную? – равнодушно переспросила Элла, очевидно посчитав, что слово «уборная» было гораздо уместнее за столом. – Нет, спасибо, я посижу с ребятами.

В туалете Таш вытаращилась на Катю:

– Это кто? – ее глаза сверкнули яростью. – Что происходит?

– Таш, прости, я не знала, что все так получится. – Катя закусила губку и виновато посмотрела на Таш. – Я пару раз встречала ее в Париже, с ее тогдашним мужем... А сейчас вот столкнулись на улице, ну я и пригласила ее поужинать с нами... Прости...

– Поужинать, говоришь? Да она просто набросилась на Алекса, как голодная! А он уши развесил, дурак.

Катя обрадовалась, что приступ ярости миновал и взгляд подруги стал по-конфуциански спокойным.

Таш взглянула на себя в зеркало. Ей улыбалась шаловливая студентка-сорванец. Мысленно подставив к ней одетого с иголки «нарцисса» и восторженную «аспирантку», только что так неприкрыто флиртовавших друг с другом, она усмехнулась своей новой находке:

– Я даже не знаю, что меня бесит больше – наглость училки в бабушкином костюме или хамство пижона? А может, оно и к лучшему? Готова поклясться, они друг друга стоят!

Сразу по приезду они с Алексом, разгоряченные итальянским солнцем, кинулись в омут любви, однако тлеющих угольков средиземноморской страсти хватило ненадолго. Запас обожания, похвал был исчерпан, и дальше следовать наставлениям Ника Таш не могла. Капризный ребенок в Алексе превращался в деспота и пресекал любые поползновения на право единовластного царствования.

– Ты знаешь, – она обернулась к Кате, – я только что поняла: ведь я его ни минуты не любила. Это все Ник со своими нравоучениями! Алексу нужно лишь обожание, это подпитывает его! Но теперь настала очередь училки! Давай не будем возвращаться за стол? А сбежим и пойдем веселиться? По-моему, это прекрасный способ закончить отношения!

Алекс со своего места наблюдал, как Катя и Таш прошли к выходу. Перед самой дверью Таш обернулась, в последний раз оценив мизансцену, и, для усиления драматического эффекта, послала Алексу воздушный поцелуй.

– Я хочу пить, – прокричала Таш, едва за ними захлопнулась дверь. Проходившие мимо мужчины довольно закивали головами, поддерживая инициативу. С ее лица не сходила улыбка. – Пошли в бар!

Бар только начинал заполняться. За светящейся неоновым светом барной стойкой с разноцветными бутылками скучали два бармена.

– Четыре текилы!

Катя с ужасом посмотрела на подругу.

– А что мелочиться, гулять, так гулять. Повод – я сегодня рассталась с парнем, – она попыталась изобразить грусть.

– Ладно, я не против. Текила, так текила. Хорошо, что до дома идти три минуты.

Бармен виртуозно разлил четыре стопки текилы. Стоявшие по обеим сторонам мужчины дружно зааплодировали выбору Таш. Шесть шотов спустя девушки с энтузиазмом обсуж-

дали особенности русской архитектуры со стоящими справа от них с турецкими строителями. Народу прибавилось, и перекрикивать музыку становилось все сложнее. Мысли об Алексее Эллоу полностью испарилась из головы Таш, и, отплясывая в такт музыке с одним из строителей, Таш рисовала себе светлое и счастливое будущее. Пока она обдумывала план переезда к строителю в Турцию, Катя наладила связи с общественностью с другой стороны, в связи с чем, количество стопок текилы возрастало в геометрической прогрессии.

– Еще две текилы...

– Сделайте вместо двух – четыре, – послышалось сзади. Таш не сразу поняла, что происходит. Бармен разлил текилу по стопкам. Забрав стопки со стойки, она повернулась, чтобы передать одну Кате.

– Это мне?

Таш подняла глаза. Озорной взгляд скользнул вниз по ее лицу, дерзко врезавшись прямо ей в губы. Она ощутила холодок в верхней губе и провела по ней языком...

При всей невинности происходящего он понял, что никогда в жизни не видел ничего более эротичного, чем эти губы. На этот раз она не была похожа на русалку, а напоминала неопытную первокурсницу, перебравшую с алкоголем. Ее сочные губы бросали вызов. Они будили самые низменные желания. Взяв себя в руки, он поправил выбившуюся прядь темнорусых кудрей и улыбнулся. Таш нестерпимо захотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться: он – не плод ее воображения от внезапно развившейся под действием текилы белой горячки.

– За встречу, Русалка! – Он опрокинул рюмку текилы в рот. Таш ничего не оставалось, как последовать его примеру.

– Что ты тут делаешь? – пролепетала она, лихорадочно думая: «И почему я должна была встретить его именно после десяти шотов текилы?». Ей захотелось испариться, чтобы он не видел ее в таком непотребном виде. Она опустила глаза и попыталась, как ей показалось, незаметно проскользнуть сквозь толпу. Но ее маневр не удался. Он со смехом преградил ей дорогу.

– Опять собралась от меня убежать? Не удастся. – Он обхватил ее плечи и прижал к себе.

Но ей уже не хотелось бежать. Ей стало спокойно. Она покорно смотрела на него снизу вверх.

– Пойдем, познакомлю тебя с друзьями, – он забрал со стойки бара оставшиеся стопки. – Зови свою подругу.

Таш была приятно удивлена, что из лиц женского рода за столом оказалась только бутылка виски. Пока бирюзовый плащ поочередно распаивался при знакомстве его хозяйки с новыми друзьями, Таш успела ущипнуть себя за все доступные места, чтобы наконец-то поверить, что это не сон.

– Очень приятно, Катя. Я Бен, – он повернулся к Таш. – Мне кажется, нам самое время познакомиться?

– Наташа, – прошептала Таш.

– Как Наташа Ростова, – Бен поставил стакан с виски на стол. – Наконец-то мы познакомились.

Тем временем Катя села на своего любимого конька и воодушевленно рассказывала другу Бена Джеймсу о своей успешной модельной карьере в Нью-Йорке.

– И та-а-к я стала топ-моде-е-елью, – после десяти текил Катя говорила нараспев, растягивая слова дольше нужного, – а потом переехала в Москву. И теперь я живу в двух шагах

отсюда. – Чтобы сохранить равновесие, она держалась рукой за стул. – Предлагаю переместиться ко мне домой.

Таш мысленно поблагодарила подругу.

– Хочешь пойти? – негромко спросила она Бена.

– С тобой – хоть на край света, – так же тихо ответил он, и его рука легла ей на талию.

*****

Мраморная столешница была завалена различными вкусностями, из которых девушкам предстояло создать закуски, не уступающие творениям лучших поваров Москвы. Ведь путь к сердцу мужчины, как известно, лежал через желудок. А в Катиной гостиной желудков насчитывалось целых пять.

– Ты поняла, кто это? Ты поняла, кто такой Бен?

Да, Катя прекрасно помнила Бена по Сардинии. Несмотря на вызванные потреблением текилы незначительные провалы в оперативной памяти, ее долгая память работала без перебоев. Таш торопливо раскладывала на тарелке сыр. Ей не терпелось поскорее расправиться с закусками и нестись в гостиную, чтобы в этот раз ни в коем случае не упустить внезапно свалившуюся на нее удачу.

Она взяла сырную тарелку и понесла к гостям. Закуски разлетелись молниеносно. Таш решила принять на себя роль хозяйки и сходить за новой порцией.

– Я тебе помогу, – он вскочил, как будто только и ждал этого момента.

Едва переступив порог кухни, она почувствовала его руки у себя на плечах. Он толкнул ногой дверь и жадно дернул Таш к себе. До нее донеслись знакомые ей легкие нотки сандала. Она чувствовала каждый удар его сердца. Его пальцы деликатно перебирали пряди ее волос, словно струны драгоценной скрипки. Ее руки сами собой обвились вокруг его шеи, а бедра плотно прижались к его. От поцелуя их отделяли лишь несколько миллиметров.

– Нас не просто так сводит судьба, – губы Бена приблизились к ее губам. Она знала, каким окажется вкус его поцелуя. И новое, незнакомое ей чувство захлестнуло ее. Он прижимал ее все сильнее, и она все меньше сохраняла контакт с реальностью. Как лава вулкана, жар внизу живота поплыл по всему телу.

– Ну и где же закуски? – раздался Катин возглас. Таш очнулась.

– Да л-а-адно прятаться. Все и так все поняли. Твой друг Джеймс принимает ставки, сколько вы тут будете резать закуски, – Катя открыла холодильник. – Помогите-ка...

Они, как сомнамбулы, взяли тарелки и проследовали за ней. Пара друзей Бена резалась в нарды. Джеймс с бокалом вина в руках что-то втолковывал собеседнику возле окна.

– Я их застукала. Дже-е-еймс, ты выиграл, – Катя поставила тарелки на стол. Все, кроме Таш и Бена, залились громким довольным смехом.

– Бен, я поспорил с Катей, что вы поцелуетесь, она же утверждала, что этого не произойдет, что это не в правилах Таш, – Джеймс отошел от окна и присел на диван рядом с Катей. – Теперь Катя должна мне поцелуй.

Кивнув, Катя взяла лицо Джеймса руками и приблизила к своему. Поцелуй длился ровно пять секунд, после чего она, как ни в чем не бывало, вернулась к поеданию колбасы.

Бен рассказал Таш о своей семье, о работе, и о том, что наутро он уезжает. На месяц.

– Спасибо Джеймсу, уговорил меня пойти. Я не хотел пить перед завтрашним, – он взглянул на часы, – уже сегодняшним рейсом.

Голова Таш лежала у него на коленях. Он нежно теребил ее волосы.

– Я думал о тебе...

Таш подняла на него глаза, и он крепко зажал ее руку между своими ладонями.

– А почему ты не нашел меня раньше? Я же сказала тебе номер квартиры, куда ты должен был отнести чемоданы. – Ее лицо залил легкий румянец смущения. – И потом, на Сардинии?

– Хочешь правду? – Он провел указательным пальцем по ее лицу, остановившись в уголке губ. – Я спросил у консьержа, кто живет в квартире двадцать семь. – Бен слегка нажал пальцем на впадинку на ее нижней губе. – Он мне сказал, что там проживает мистер Хью Янг с супругой. – Таш вздрагивала при каждом его прикосновении. – С лодки тебя увел какой-то мужчина, и в ресторане ты сидела с парнем.

Это было первое за всю ночь воспоминание об Алексе. Какое счастье, что Катя привела Эллу...

*****

Ее разбудил смех, доносившийся из гостиной. «Ничего себе, час дня!» Голова раскалывалась, а в горле пересохло: «Интересно, сколько же я выпила?» Сквозь тяжесть пыльных мешков, набитых кирпичами, и скрежет ржавых рельс в голове она могла различить два противоположных чувства. Одно было неприятным. От него сжимало в груди, пульсировало в висках и сковывало кисти: «Или виски все же пульсируют от текилы?» Второе чувство, приятное, расслабляло лицевые мышцы, от чего рот сам по себе расплывался в глупой улыбке. «Итак, неприятное – это меня бросил Алекс. Или это я его бросила? Скорее, он меня бросил, а я от него ушла. А что же приятное?» Она на секунду задумалась, и улыбка надолго застыла на ее опухшем от алкоголя лице. «Ах да, я же встретила Бена!»

Таш отворила дверь гостевой спальни и побрела на звук голосов. С кухни слышался звон посуды, а в зале, залитым осенним светом, на зеленой стеганой кушетке возлежала брюнетка. Фаина Розман была старше Таш лет на десять. Строгие серые брюки с водолазкой в выходной день выдавали в ней офисного работника.

– Я слышала, вчера тут у вас было горячо? – Фаина безотрывно смотрела на Таш. Растрепанная и босая, та стояла на лакированном паркете, уложенном елочкой. Теплые лучи сентябрьского солнца ласкали ее тело сквозь полупрозрачную розовую ночную сорочку. «Вечно она со своим адвокатским чутьем...» – подумала Таш про Фаину.

Фаине пришлось пропустить их вчерашний знаменательный ужин. Часовая встреча затянулась до полуночи, и, валясь с ног, она отправилась напрямик домой. Новоиспеченный партнер международной юридической фирмы, она курировала IPO одной из крупнейших металлургических компаний. Ее прочили в партнеры на протяжении последних трех лет, но застолбить свое место на вершине юридического олимпа ей удалось лишь, когда приятель ее отца, известного израильского миллиардера, согласился делать через них IPO. Фаина не была обделена ни природным умом, ни хваткой, способность приносить фирме сделки и богатых клиентов превратила ее в незаменимый актив компании. Она легко могла позволить себе не работать, перемещаясь по мировым курортам на собственном самолете. Но, амбициозная от природы, Фаина выбрала иной путь: одерживать победу в переговорной, а не в постели. Общение с себе подобными женщинами ее крайне утомляло. Ему она предпочла компанию моделей, привносящих в ее жизнь легкость и веселье. Ее нельзя было назвать красивой, тяжелая нижняя челюсть делала ее лицо мужеподобным. Зато Фаина пользовалась необыкновенным успехом у мужчин, ценивших в ней острый ум, проницательность и ее связи. По молодости лет она выскочила замуж за охотника за состоянием ее отца, который, изменяя ей на каждом шагу. Через пару лет, поняв, что до смерти отца к деньгам не подобраться, и вовсе променял ее на певичку. После этого розовые очки навсегда упали с глаз Фаины, а приобретенное с горьким опытом умение тонко разбираться в людях не раз помогло ей в жизни.

– Ты не представляешь, мам-м-и, с чего же лучше начать... – Таш, собираясь с мыслями, опустила в кресло и еле сдержала зевок. Ее соски казались еще розовее сквозь розовую ткань

пеньюара. – Во-первых, я рассталась с Алексом... Катя, принеси, пожалуйста, кофе, – крикнула она на кухню. – Я засыпаю...

– Я вся внимание, – Фаина говорила с сильным акцентом. Ее отец эмигрировал из СССР в Израиль во вторую волну и встретил ее мать уже там. Фаина родилась в Хайфе и по-русски начала говорить только в школе.

– Все началось с того, что наша подруга, которая сейчас готовит кофе, привела на ужин некую Эллу... – Таш не смогла удержать смехок: – Одета, как моя бабушка, и в образе учительницы, совращающей старшеклассников...

– Не Эллу ли Беккер? – на лице Фаины заиграла непонятная улыбка.

– Да-да, ее самую, – донеслось из кухни.

Фаина внимательно слушала рассказ Таш о ночных событиях.

– Мамми, а ты знаешь эту Эллу? – спросила Таш, закончив повествование.

– Встречала ее, давно... Только тогда она не была режиссером. Потом как-нибудь расскажу.

Вошла Катя с подносом в руках, и запах свежего кофе разлился комнате. Таш выпрыгнула из кресла и взяла чашку.

– Девочки, я вас обожаю! У меня давно не было такого прекрасного настроения! Катюша, спасибо, что ты ее привела! Ведь в результате Алекс останется с Эллой, а я – с Беном!

Держа блюдце в одной руке, а чашку в другой, Таш сделала пируэт. «Прямо как ренуаровская балерина», – подумала Фаина и тут же добавила:

– Минуточку... А кто такой Бен? Что-то я упустила...

Таш поставила кофе на стол, плюхнулась на кушетку рядом с Фаиной, обняла ее обеими руками так, что та почувствовала тепло ее тела, и со смехом сказала:

– Какая же ты у меня дурашка, мамми... Мой Бен...

И Таш рассказала ей еще раз про Бена во всех подробностях, напоследок со вздохом заметив:

– То есть, если бы не появилась Элла и я не бросила Алекса, я бы не встретила Бена. Только представь!

Фаина представила. Даже прекрасно представила: если бы Таш не встретила Бена, сейчас бы они сидели и обсуждали, как ей вернуть Алекса.

4. Половое воспитание

Москва

Она стояла в прихожей с телефоном в руках. Такси задерживалось на пять минут. Она еще раз перечитала приглашение. «Сбор гостей в 20:30», значит, у нее есть еще полтора часа, чтобы заскочить к Кате.

Дверь была отперта. Катя накладывала тон, любуясь собой в одно из зеркал, развешанных по всей квартире, чтобы не дать хозяйке забыть о своей красоте. Краем глаза она поглядывала на Тома Брэйди в висящем на противоположной стене телевизоре. Катя обреченно вздохнула:

– И почему мы не встречаем таких мужчин?

– Чтобы встретить Тома Брэйди, надо быть Жизель Бундхен, – ответила Таш, удобно расположившись на зеленой плюшевой кушетке.

– Но я ничем не хуже Жизель. Я такая же топ-модель, – любой человек, имевший неосторожность спросить Катю, чем она занималась, тут же получал гордый ответ: – «Я – топ-модель».

Телефон Таш блямкнул, оповещая ее о входящем сообщении.

– Это он.

Дрожащим голосом она зачитала: «Привет, надеюсь у тебя все хорошо. Я в Москве. Какие планы? Бен». Ее лицо озарила глупая улыбка, глаза заблестели, а затем нервно заморгали – она всегда моргала, когда сильно волновалась.

– И это первое сообщение за месяц? – удивленно спросила Катя.

– Да, – Таш быстро настучала ответ. Вспотевшие от волнения руки еле попадали по буквам. – Бен ничем не хуже Тома Брэйди, такой же умный и красивый.

За месяц отсутствия Бена Таш умудрилась наделить его всеми земными и небесными достоинствами, эдакий рыцарь в блестящих латах.

Катя закончила краситься и пошла выбирать платье.

– Со вторым пунктом я, пожалуй, соглашусь, – прокричала она из гардеробной, – но почему ты решила, что он умный? Вы едва успели поговорить.

– Он окончил Гарвард, – Таш нравилось произносить слово «Гарвард», Гарвард..., Гарвард..., Гарвард... Оно придавало некую законченность созданному ею образу. Миф о зависимости уровня интеллекта от известности университета, который окончил человек, плотно засел у нее в голове. – И изучал там литературу.

Катя вернулась с тремя вешалками в руках. На выбор были представлены черный шелковый брючный костюм, короткое золотое платье из парчи и голубой комбинезон.

– Подумаешь, это еще ничего не значит, – равнодушно уронила она, пытаясь влезть в золотое платье.

Катя не придавала особого значения наличию образования у мужчины. По ее опыту, большинство богатых мужчин – а других она не замечала – имели либо весьма посредственное образование, либо не имели его вообще. Что ничуть ее не смущало. Сама она, начав работать с семнадцати лет, считала получение образования пустой тратой четырех лет жизни.

К своим двадцати восьми она добилась несопоставимо большего, чем многие ее сверстники, окончившие лучшие университеты. Шикарная квартира в центре, купленная на собственные деньги, и известное в мире моды имя только подтверждали ее теорию. И, хотя за долгие годы жизни в Нью-Йорке она так и не поняла разницы между Columbia в названии Колумбийского университета и Colombia – название страны, большинство окружавших ее муж-

чин прощали ей такие мелочи за ее светлые волосы и большую грудь. Как однажды сказал ей один из ее многочисленных ухажеров: «Красота выше гения, потому что не требует понимания.»

– Я забыла, чем он там занимается?

Это был любимый вопрос Кати. Чем он занимается и сколько зарабатывает.

– Он занимается инвестициями в возобновляемые источники энергии, – ответила Таш с придыханием, – у него такая интересная судьба...

Таш устроилась поудобнее, чтобы в который раз поведать подруге все, что она на сегодняшний день знала о Бене. Информации было немного – в фейсбуке последний пост датировался 2010 годом, а в Инстаграм он раз в год выкладывал фотографии живописных пейзажей. Она подробно изучила все его подписки, большинство из которых были закрыты, но не нашла в них ничего достойного внимания. Лайки незнакомкам он не ставил, на порно-аккаунты подписан не был, в общем, та скудная информация, какую ей удалось раздобыть из социальных сетей, ни в коей мере его не компрометировала.

– Родился он в Ботсване, – начала она свой рассказ. – Его родители уехали туда с миссией Красного креста и учили там местных детишек рисованию и английскому языку. Когда он пошел в школу, они всей семьей вернулись в Англию. Он рассказывал, какой он был озорник и сколько с ним натерпелись преподаватели в Итоне.

Катя не смогла сдержать улыбку, когда Таш как бы невзначай сделала акцент на названии школы. Итон... Гарвард... Что-то вроде магического заклинания.

– После Гарварда он вернулся в Лондон. С тех пор он успел поработать над различными проектами по возобновляемой энергии по всему миру. В Москве у него какой-то короткий проект по солнечным батареям с «Роснано». – Каждое слово о Бене Таш произносила с особенной гордостью, придавая особую значимость его достижениям. – А вообще, его мечта – вернуться в Африку и, как его родители, помогать бедным.

Катя безразлично посмотрела на Таш.

– Должно быть, он невероятно богат, чтобы позволить себе такую роскошь. Это как в известном меме о бедной маленькой богатой девочке: «Все, что я хочу, – это пить вино, спасать животных и дремать».

Катя тут же представила разбитую среди пустыни палатку красного креста. Рядом с ней, в шортах, рубашке и панаме цвета хаки, Ральф Лоренс бокалом белого вина, в котором лед, не успевая охладить напиток, тает от несносной жары, ... Бен со скукой наблюдает за бродящими вокруг палатки слонами...

– Давай отвлечемся от Бена... – В платье из золотой парчи, Катя разложила на диване оставшиеся варианты. – Мне надо решить, что надеть. Я до сих пор до конца не могу разобраться в вашем московском стиле.

За долгие годы работы в индустрии моды Катя изучила стили и течения всех мировых столиц. Если Лондон и Милан щеголяли смелыми фасонами и кричащими цветовыми решениями, то Нью-Йорк и Париж оставались подчеркнута небрежными и в какой-то степени немного богемными. Вернувшись из Нью-Йорка, она долго недоумевала, как это Москва, с ее Красной площадью и похожим на пирожное Храм Василия Блаженного, нашла свою нишу в сдержанном стиле.

Единственное внятное объяснение этого феномена дала рассудительная Фаина, которая сегодня отмечала сорокалетие: «Гламур времен первичного накопления капитала конца девяностых и небывалого экономического роста начала и середины двухтысячных сменился анти-гламуrom после кризиса две тысячи восьмого года. Сдержанность – из-за перенасыщения

и усталости, ориентации на более демократичную европейскую культуру, а также вследствие общего ухудшения экономического положения и благосостояния граждан».

Из всех сказанных Фаиной слов Катя поняла лишь «гламур» и «антигламур». Но объяснение прозвучало столь убедительно, что, законспектировав, она заучила его и периодически вставляла в беседы о моде с мужчинами, казавшимися ей интеллектуалами.

*****

Девушка в синей форме провожала гостей в фойе. Сегодня знакомое с детства пространство выглядело по-иному, как-то особенно нарядно. Сколько раз папа привозил ее сюда на экскурсии, а бабушка заставляла посещать лекции, потому что «каждая приличная девушка должна разбираться в искусстве». Торжественная колоннада коринфского ордера давила великолепием. Подол платья из тончайшего тюля телесного цвета, усыпанного кристаллами Сваровски, волочился по розовому мрамору парадной лестницы Музея изобразительных искусств имени Пушкина.

Мужчины, следовавшие за Таш, не могли оторвать глаз от ее точеного силуэта, словно сошедшего с древнегреческих фресок, обрамлявших фризы под потолком. Женщины завистливо перешептывались, обсуждая фривольность прозрачного наряда.

Фаина, в блестящем синем платье, словно гигантская жар-птица, сидящая на вершине горы, встречала гостей на верхнем пролете.

– Ты восхитительна! – и она поцеловала Таш в губы.

Званный ужин на двести персон был накрыт в Белом зале музея. Папа рассказывал Таш, что он был полностью скопирован с внутренней части Парфенона. Таш словно плыла по залу, ощущая себя участницей пиршества в Древней Греции. И она действительно походила на статную жрицу в прозрачной тоге. Ее волосы, увенчанные золотой тиарой, спадали локонами на плечи.

Длинный стол с белыми скатертями был поставлен вдоль мраморной колоннады. Таш нашла табличку со своим именем. По обе стороны от нее лежали карточки с ни о чем не говорившими ей именами. Вся жизнь Фаины была подчинена достижению результата. Ее бешеная энергия иногда восхищала, а иногда и пугала Таш. Порой ей казалось, что Фаина просто бежит от чего-то и боится остановиться и признаться себе в чем-то таком, что могло бы ее испугать. Таш знала, что даже в свой день рождения прагматичная Фаина рассадит гостей так, чтобы каждый ушел с полезным знакомством, любовью или просто приятным впечатлением от занимательной беседы.

Соседом Таш справа оказался симпатичный мужчина, представившийся Сашей. Спустя полчаса Таш знала историю всей его жизни. Высокий видный шатен, Саша был родом с Дальнего Востока и занимал пост вице-губернатора края. В большую политику он не стремился, но близость к губернатору позволила ему подмять под себя госконтракты по благоустройству края, края с большим бюджетом и большими госконтрактами. Также он возглавлял основанную вместе с сыном губернатора компанию по вылову краба, которая, по счастливой случайности, получила от государства невероятные квоты. На вид Саше было под сорок, на запястье красовались дорогие часы «Бреге», а на безымянном пальце – обручальное кольцо, которое отнюдь не мешало ему весь вечер флиртовать с Таш.

Продолжение вечера было в атриуме, где Фаину встречали бедолаги, приглашенные лишь на коктейль. Со сцены разносилось «Don't stop the dance» в исполнении Брайна Ферри, давнишнего друга семьи и любимого певца ее папы. Пока Таш возле бара развлекала коллег Фаины рассказами об их невероятном знакомстве, Брайн Ферри закончил выступление и его место занял ди-джей. Таш решила, что она уделила коллегам Фаины достаточно внимания, для храбрости выпила пятый по счету бокал шампанского и написала Бену. Столики были расставлены

по периметру атриума, обрамляя танцпол. Народу набилось так много, что Таш даже пришлось протискиваться сквозь танцующие пары. Она искала Фаину.

Фаина сидела с Катей неподалеку, и, едва завидев Таш, призывно помахала рукой.

– Ты не против, я пригласила Бена, – Таш села на стул рядом с ней.

Разгоряченная алкоголем, Фаина придвинулась ближе и, перекрывая музыку, заорала ей в ухо:

– Конечно! Хоть посмотрю, что ты в нем нашла! Давай веселиться! У меня день рождения! Е–е–ййй! – Фаина шлепнула Таш по попе, и на секунду той показалось, что ее рука сжала ей ягодички и скользнула вниз, но, еще раз взглянув на улыбающуюся Фаину, она отогнала от себя дурные мысли.

Сегодняшний Катин выбор пал на голубой комбинезон, открывавший ее изумительную спину, которой она так искусно заводила уважаемых мужчин за соседним столиком. При этом она напрочь игнорировала молодых людей на танцполе, тщетно пытавшихся привлечь ее внимание. Таш сочувственно наблюдала за несчастными, пытавшимися снискать благосклонность Кати, как вдруг одно из лиц заставило ее задержать взгляд. Сильно отросшие кудри полностью скрывали лоб, глаза цепко следили за ее движениями. Поймав ее взгляд, Бен широко улыбнулся и подошел.

– Ты выглядишь сногшибательно, – он поцеловал ее и потянул за собой. – Давай сбежим отсюда! – шепнул он ей на ухо.

Ею овладело странное чувство. Вопреки своим принципам и приходящим на ум разумным доводам подруг, она хотела поддаться его чарам и последовать за ним. Он не старался ее завоевать, не пытался ей понравиться. Его непринужденность обезоруживала ее. Она ценила мужчин за их любовь к ней и отвечала тем же. На этот раз все шло по-другому. Каждой клеточкой тела она жаждала унести в неизвестность, отдаться водовороту, запутаться в переживаниях и утонуть в сомнениях. Она жаждала приключений. Жаждала любви. «Я хотя бы отдам себе отчет, что он просто хочет со мной переспать!?» – ухмыльнулась она про себя. На улице с ее молчаливого согласия Бен назвал таксисту свой адрес.

В квартире пахло сандаловым деревом. Высокие потолки с лепниной, минимум мебели, постеры советской эпохи. Бен не привнес сюда ничего индивидуального, кроме, пожалуй, плейстейшн и туалетных принадлежностей, выбор которых был не велик. Все указывало на его аскетичность и временность пребывания в городе.

Таш вышла на балкон, укутавшись в кашемировый плед, который она прихватила с кресла в гостиной. Она взглянула вниз. Снег лег тонким слоем на застывшую от недавних морозов землю. Желтая полоска Садового кольца выделялась в темноте ночи, а движущиеся по нему машины придавали динамичность статичному, словно с открытки, виду ночной Москвы. Шум улицы заглушал музыку.

– Знакомые привезли свежайшую буррату из Италии, а еще у меня есть хлеб и красное вино. – Донесся голос Бена из гостиной.

Холодный, почти зимний воздух пронизывал до костей. Она смотрела на Бена сквозь стекло. Смотрела, как он разливает красное по бокалам, трогательно сверяя количество вина в обоих. Как он режет хлеб, аккуратно складывая кусочки в корзинку. Как поправляет на диване подушки. Умиленная и замерзшая Таш вернулась в тепло. Она скинула плед и погрузилась в глубокое коричневое кресло с высокой спинкой. Кристаллы на ее платье играли в электрическом свете.

– Ты похожа на фею из сказки, – Бен отставил бокал на журнальный столик.

«Как бы я хотела быть похожей на принцессу», – подумала Таш. Эта мысль, едва зародившись, тут же улетучилась под приливом тепла, разлившегося по всему телу от прикосновения его влажных губ. Сердце судорожно заколотилось.

Таш почувствовала, как его мягкая ладонь скользнула вверх по ее бедрам.

Он опустился перед ней на колени и обеими руками сжал ее напряженные ягодицы.

– Я с первой встречи понял, что у тебя отменная задница!

Резким движением он задрал собравшееся в складки на бедрах платье и отодвинул шелковистые телесные шортики.

Она ощутила влажность его губ, перемешавшуюся с ее влагой. Она чувствовала, как тепло растекается по телу. Не в силах справиться с нахлынувшими чувствами, она застонала от наслаждения.

– Эта деталь туалета нам не понадобится, – он быстро стянул с нее шортики.

Каждый раз, ощутив, что она на грани оргазма, он сбавлял обороты, переходя к нежным поцелуям. Он то преклонялся перед своей королевой, всецело ей подчиняясь, то дразнил ее, словно строптивый подданный, внезапно узурпировавший власть.

– Раздевайся! – Бен поднялся. Только сейчас она поняла, что он все еще одет.

Таш подчинилась. Она расстегнула на платье молнию и сдернула его через голову. Обнаженная и опьяненная, она смотрела на него снизу вверх, ожидая дальнейших указаний. Бен взял ее на руки и перенес на диван. Быстрым движением Таш расстегнула его ремень, и хотела было двинуться дальше, но он ее остановил.

– Не так быстро, – он перехватил ее руку, – я с тобой еще не закончил. – И он снова опустился перед ней на колени.

– Малыш, мне так с тобой хорошо. Мне кажется, дальше все будет только лучше, – Бен подвел итог полутора часам непрерывной страсти. Таш попыталась подняться с дивана за шортиками.

– Не надо, не надевай. Я не налюбовался тобой, – Бен потянул ее за руку и ловко уложил обратно на диван. Она не сопротивлялась. Ей нравилось в его объятиях, нравилось чувствовать его дыхание у себя на шее, нравилось ощущать его внутри себя.

– Я уже два часа как жду бурраты, а ее все нет. Отпусти меня в душ, хочу ополоснуться, – она сделала вторую попытку встать.

– Нет, – сказал он. – Будешь здесь лежать со мной потная, мокрая, пока мы, обессиленные, не заснем, – и, обняв ее сзади за плечи, снова вошел в нее.

Спустя еще час он задремал. Таш быстро приняла душ, тихонько, чтобы не разбудить его, собрала разбросанные по полу вещи и выскочила на лестничную клетку.

*****

Таш застегнула молнию на брюках и взглянула на себя в зеркало. В отражении она увидела вчерашнее платье, сиротливо болтавшееся на вешалке, подвешенной на ручке деревянного шкафа. В голове плавали обрывки вчерашнего вечера. Но какой фрагмент ни возьми, все приводило к занятию картине любовью с Беном. Наклонившись, чтобы завязать шнурки на ботинках, Таш почувствовала, как намокли ее трусики от воспоминания о том, как он овладел ею сзади. Одного его прикосновения хватало, чтобы довести ее до экстаза. Она провела рукой по шероховатой поверхности куртки, представляя его едва отросшую щетину. Вертя холодный ключ в руках, она вспомнила, как он целовал ее замерзшие пальчики, и улыбнулась. Уже битый час из-за нахлынувших воспоминаний она не могла выйти из дома, опаздывая на обед к Фаине.

Первой, кого она увидела, была Катя. Вместо приветствия она бросила на Таш осуждающий взгляд. Катя была одной из тех, кто не церемонился в своих суждениях, и Таш ее даже побаивалась.

– И куда ты вчера пропала? – Катя смотрела на нее из-под ровной длинной челки.

– Ты же знаешь ответ, зачем задавать вопрос, – Таш уселась за стол, раздумывая, какой вариант закуски более соответствует ее теперешнему состоянию.

– А как же правило пятого свидания?

Одна их подруга, только что получившая диплом с отличием онлайн-курса «Как женить на себе любого», раскрыла им тайны мироздания, ведущие под венец. Правило номер один гласило: секс до пятого полноценного свидания – это путь к провалу. Таш не дошла до первого.

– Он хотя бы принес тебе завтрак в постель? – осуждение в Катином взгляде сменилось на любопытство.

– Я не осталась на ночь, – призналась Таш.

Правило номер два того же курса запрещало девушкам, желающим «женить на себе любого», оставаться у будущего мужа на ночь, чтобы создать тем самым иллюзию своей независимости.

– Умница, чем меньше страсти высказываешь, тем большую страсть возбуждаешь. – Катя уплетала винегрет с селедкой. Сама Таш не была так уверена, что поступила правильно, оставив своего будущего мужа спать в одиночестве.

«Почему же он до сих пор не написал?». В голову одна за другой начали приходить странные мысли. И почему каждый раз после близости с мужчиной она возвращалась в свои шестнадцать, в Переделкино?

*****

– Ты мне все порвал внутри! – Она с ужасом смотрела на лужицу крови на простыне, которая постепенно просачивалась на матрас. «Бабушка меня убьет!»

Таш спрыгнула с кровати и убежала реветь в ванную. «А ведь Катя обещала, что будет круто!» Боль стихла, но по ногам все еще текла кровь.

В конце июня на дискотеке она встретила Алешу. Ему было девятнадцать, и после танцев он подвез ее до дачи на своем стареньком «фольцвагене». Алеша был красив и быстро прошел Катин фейс-контроль, но, решив не проверять бабушкины представления о достойном ухажере, Таш встречалась с Алешей исключительно за пределами Переделкино. Пока бабушка пребывала в уверенности, что Таш посещает лекции в Музее искусств имени Пушкина, она неслась к Лешкиному институту, чтобы вместе прогуляться по Москве. Прояви Ханна чуть больше бдительности, она легко могла бы их застукать целующимися на лавке в Парке Горького или курящими траву на Арбате. Но наивная Ханна не могла нарадоваться увлеченности внучки историей искусства. Так пролетел месяц, и одних только поцелуев стало недостаточно. К этому моменту они настолько хорошо знали эрогенные зоны друг друга, что в воздухе повис вопрос: «Когда?». Таш понимала, что Алеша опытный любовник. Он не упускал возможности прихвастнуть своими победами на любовном поприще. Рядом с ним она ощущала себя глупой неопытной девчонкой.

Наум жил через два дома и учился в МГИМО на факультете международных отношений. Таш давно чувствовала, что нравится ему. Его черные, жесткие, как пружины, волосы напоминали ей птичье гнездо, а кожа на лице всегда лоснилась. Наум был приятно удивлен, увидев Таш на пороге своей дачи. Она попросила его помочь настроить ей компьютер. Все двести метров, разделяющие их дачи, Наум не мог оторвать глаз от ее длинных ног, еле прикрытых вызывающе короткой клетчатой юбкой. Вокруг компьютера летала жирная муха.

Наум так никогда и не понял, как все произошло, но каким-то чудом рука Таш оказалась на его члене... Эрекция была такой сильной, что джинсы раздулись и больно сдавливали промежность. Он растегнул ширинку, и голова Таш скользнула вниз...

Когда он открыл глаза, Таш сидела рядом, и разглядывала муху, летающую над пятном крови на простыне. Он потянулся было к девушке, чтобы обнять, но она со всей силы оттолкнула

нула его и с криком, что он во всем виноват, бросилась в ванную. Наум недоумевал, что же он такого сделал, чтобы так ее расстроить. Он робко постучался в дверь, но в ответ услышал лишь всхлипывания. Перед уходом он еще раз испытал судьбу – спросил, как быть с компьютером, но, так и не дождавшись ответа, пошел домой.

Всю ночь Таш проплакала, ощущая себя грязной потаскухой. Но к утру мысль, что теперь она готова для Алеши, поборолась в ней стыд. В тот же день она сообщила Алеше, что готова, и они поспешили в его однушку на Варшавском шоссе. Каково же было его разочарование, когда он понял, что она не девственница и все это время пудрила ему мозги. На следующий день он сообщил ей, что уезжает на месяц на отдых, а в следующую субботу она встретила его на дискотеке с пергидрольной блондинкой лет двадцати пяти.

Наум несколько раз приходил справляться о компьютере, но Таш отказывалась к нему выходить, ссылаясь на неважное самочувствие.

*****

– Единственное, что он сказал, – задумчиво произнесла Таш, – что ему очень понравилось.

– Лаконично. Хотя, конечно, он должен был позвонить, как только проснулся и не обнаружил тебя рядом.

Соответствовать ожиданиям Кати по части ухаживаний было непросто.

– Зато мы с Фаиной прекрасно закончили вечер без тебя. Твой сосед Саша развлекал нас всю ночь.

Таш ничуть не удивил союз Кати и Саши. Он словно был списан с портрета ее идеального мужчины – молодой, богатый, по-видимому, щедрый и... женатый. Катя была настоящей куртизанкой наших дней. Она была одной из тех дам, которые, при всей любви к деньгам, страшно боялись потерять независимость. И если бы вы поинтересовались, зачем им нужна эта их независимость, в ответ бы услышали долгие рассуждения о том, как хорошо полагаться на саму себя, ни перед кем не отчитываться, но на поверку все свелось бы к простой истине: «А вдруг из-за теперешних отношений я пропущу кого-то получше?»

Второй день празднования дня рождения Фаины проходил в подмосковном поместье ее отца. На обед Фаина собрала самых близких. Большая часть бизнеса Льва Розмана, впрочем, как и его двадцатилетняя любовница Анжелика, базировались в Москве, что и послужило толчком для покупки дома в одном из фешенебельных подмосковных поселков. Сам же Розман вместе с семьей постоянно проживал в Тель-Авиве, навещаясь в российскую столицу «по бизнесу».

Вокруг стола, ломившегося от деликатесов, носились дети. Одним глазом приглядывая за отпрысками, замужние матроны перемывали косточки общим знакомым, сплетничали о преподавателях йоги, обсуждали лекции по дизайну интерьера и низкокалорийные диеты, поглощая тем временем самые калорийные на столе блюда.

За противоположным концом стола их мужья дегустировали вина из погреба Льва, обговаривали совместные бизнес-проекты и свои любовные похождения. У каждого из них были любовницы, минимум по одной. О существовании которых жены были осведомлены. Мужчины искусно лавировали между семьей и развлечениями, виртуозно жонглируя расписанием. Вечера, выходные, праздники и долгие семейные поездки свято принадлежали семье. Любовницы довольствовались обедами и часовыми встречами в снятой или, если повезет, купленной для встреч квартире. В эти квартиры они заскакивали, ища утешения после изнурительного трудового дня, посмотреть футбол или перекантоваться, пока ребенок гоняет мяч в футбольной секции. Любовницам доставались и деловые поездки.

На праздники и каникулы любовницы, кооперируясь с другими любовницами, уезжали, улетали и уплывали на экзотические курорты на снятых или купленных для них любовниками машинах, самолетах и лодках. На этих самых курортах любовницы бесконечно искали, как они сами выражались, «нормальные отношения», но, почему-то так никогда не находили их.

Это хрупкое равновесие устраивало каждую из сторон. Жены получали стабильность, семью и статус, любовницы – веселье и деньги, мужа – любовь, поддержку и секс.

– Я просто видеть не могу эту фальшивую идиллию! – Катя скептически смотрела на матрон, талантливо исполнявших отведенные им роли прилежных жен. – Они же на выходные, наверное, вместе в торговые центры ездят и гуляют по ним как образцовые супруги. А потом вот он, – Катя показала на мужчину с проседью лет сорока пяти, – отвозит сына в театральный кружок и едет шпилить свою Дусю из Липецка, пока жена готовит воскресный ужин.

В дверном проеме возникла фигура Фаины в черном брючном костюме.

– Привет, – Фаина под села к Таш и обняла ее за плечи. – Вы ушли по-английски.

– А как они еще, по-твоему, должны была уйти, он же англичанин!? – девушки дружно рассмеялись, и матроны на другом конце стола тут же зашептались.

– Все, что я успела разглядеть, это лишь то, что он выглядел как настоящий породистый жеребец. – Фаина не убирала руку с ее плеч. – Как все прошло?

Таш усмехнулась точности определения Фаины. При воспоминании о его мускулистом теле лицо ее преобразилось: глаза засверкали, щеки зарумянились, а губы расплылись в мечтательной улыбке. На столе зачирикал телефон.

– Это он? – полуутвердительно спросила Катя. – Дай-ка мне прочитать! – Таш отчего-то повиновалась, и Катя громко зачитала:

– «Я на очень важном деловом обеде, немного устал. Кстати, ты была бесподобна». – Катя протянула телефон Фаине: – Больше всего мне нравится это «кстати»!

– Может быть, он просто стесняется... – робко предположила Таш, изрядно, впрочем, разочарованная.

– Конечно, стесняется! – возмутилась Катя. – Читай между строк: «Кстати, ты была бесподобна, а, вообще-то, я устал, и это для меня самое главное. Я не писал тебе целый день, потому что мне просто было не до тебя. А сейчас я сижу на необыкновенно важном для меня обеде с другом, так как ни один уважающий себя деловой партнер свои драгоценные выходные на меня тратить не будет».

– Ну что ты ее пугаешь, не все так плохо, – со смехом заступилась за Бена Фаина. – Это может значить и другое: «Сижу дома, смотрю телевизор, но не хочу выглядеть никому не нужным, поэтому пишу, что на обеде. После секса я написать обязан, ведь я же джентльмен. Тем более, регулярный секс необходим. И, поскольку я никому не нужен, а секс мне нужен всегда, лучше иметь его с тобой». Удивительно, что он тебе раньше не написал.

Фаина с Катей захлебывались от смеха.

– Какие же мы циничные. А представляете, если бы все говорили то, что думают на самом деле? Например, «Я так тебя люблю, детка» читай «Я так хочу с тобой переспать», – Катя соорудила смешную и одновременно трогательную рожицу, – «Дорогой, ты такой сексуальный» читай «Я думаю, что раздуть твое эго, я заставлю тебя купить это кольцо».

– Или вот еще. – Фаина понизила голос, пытаясь звучать как мужчина, – «Я пока не готов к серьезным отношениям, весь завален работой и просто нет времени думать о чем-то серьезном» читай «Мне нравится с тобой спать, но через пару лет я женюсь на двадцатилетней дочке начальника».

– Я придумала лучше, – Катя почти кричала, – «Дорогой, это был лучший секс в моей жизни» читай «Превознося твой член, я опять выигрываю у твоей жены, которая говорит тебе правду, что в постели ты ноль».

За столом воцарилась гробовая тишина. Только сейчас Катя осознала, что пока они выдумывали примеры, матроны, к которым за это время успели присоединиться их мужья, давно затихли и внимательно слушали их разговор.

– Слава Богу, который создал ложь! – улыбнувшись, произнесла Таш.

*****

Таш повернула ручку входной двери. Резкий запах лилий ворвался в ее крошечную прихожую. Только что водитель Фаины передал ей букет и небольшой серебряный сверток. Таш кинула сверток на тумбочку и взглянула на часы. Итак, времени на сборы у нее всего ничего. Она никак не могла отделаться от странного осадка, оставшегося у нее после их сегодняшнего разговора.

– И зачем глупые западные бабы все это начали? – Катя любовалась на свою пышную грудь. – Ведь теперь и наши мужики вконец обленились и считают, что женщины им должны!

– В современном обществе вопрос гендерной идентичности в корне поменялся, – вмешалась Фаина. – Если раньше большинство были цисгендерны, то теперь все больше и больше людей становится трансгендерными.

Катя выпучила глаза.

– Это стало даже модно. У нас, в Израиле, гендерная система не бинарная.

Увидев растерянность Кати, Таш поспешила перевести речь Фаины на более доступный язык:

– Фаина имеет в виду, что все больше мужчин не идентифицирует себя с мужским полом и, соответственно, женщин с женским.

Объяснение Таш ввело Катю в еще большее замешательство.

– Ты про гомосексуалистов и лесбиянок?

Таш рассмеялась:

– Нет. Все гораздо сложнее. Сексуальность не имеет отношения к гендерной идентификации. Ты можешь родиться женщиной, чувствовать себя мужчиной, а сексуальное влечение испытывать к мужчинам. Или к женщинам. Или к тем и другим. – Таш посмотрела на Катю. – Вот ты, например. Ты родилась женщиной. Идентифицируешь себя с женщиной и любишь мужчин.

Катя радостно закивала, поглаживая себя по груди:

– Мы, слава богу, тут все нормальные.

– Я бы не была так категорична по поводу нормальности...

Таш взглянула на Фаину. «А ведь за последние несколько лет мы ни разу не слышали рассказов об ее поклонниках и любовных приключениях... Практически все время мы обсуждали меня и Катю. Но ведь виной всему ее загруженный график?»

– Ты что-то хочешь нам сказать?

– Пока нет. – Фаина улыбнулась Таш и перевела взгляд на Катю: – Так что ты там говорила про эмансипацию?

Катя продолжила:

– Да... Они так долго добивались этого равноправия... А теперь мы должны все тащить на себе – работать, кормить семью... Из красивой и слабой становится, – она замолчала, – ну, сами понимаете, какой... А главное, они напрочь конфисковали у мужчины желание завоевывать, оберегать и баловать. Все то, что позволяет мужчине чувствовать себя мужчиной!

Катя всегда останавливалась перед дверью, надеясь, что какой-нибудь проходящий мимо мужчина отворит ее для нее, и, только убедившись в обратном, открывала сама.

– Многие женщины терпят все из страха остаться одной, – перебила ее Таш. – Женщина может работать, чтобы быть интересной своему мужчине, чтобы мотивировать его, чтобы он ее уважал и считался с ее мнением. Но согласна, мужчина должен оставаться мужчиной.

– Именно! И задаривать свою женщину подарками! – ввернула Катя.

Таш рассмеялась.

– Ты смогла бы пожертвовать, например, карьерой ради мужчины? – Неожиданно спросила Фаина.

– Ты хочешь сказать, стать приложением к мужчине? – Катя поднялась с кушетки и медленно проплыла на кухню, каждым шагом демонстрируя прелести своего совершенного тела. – Да еще каким приложением! – Ее стройная фигура исчезла за дверью.

Фаина вопросительно посмотрела на Таш:

– Я бы смогла пожертвовать многим ради любимого мужчины... Достойного мужчины!

Вопрос, давно вертевшийся у Таш в голове: был ли таким мужчиной Бен?

*****

Двадцать минут ушло на выбор джинсов. Таш аккуратно разложила на кровати шесть идентичных прямых голубых брюк и застыла в нерешительности, раздумывая, какие надеть сегодня на встречу с Беном? Рядовой гетеросексуальный мужчина счел бы это шизофренией, однако любая мало-мальски следящая за модой современная женщина посочувствовала бы терзаниям Таш. Ей ли не понять титаническую роль завышенной на сантиметр талии или же колоссальное значение нюанса в цвете, невидимого обычным обывательским глазом, но бросающимся в глаза опытному взгляду истинной модницы.

Следующие двадцать минут пролетели в размышлениях и примерках белых футболок, коих у Таш насчитывалось бесчисленное количество.

Наконец она набросила на плечи шубу и выбежала из дома. Несмотря на поздний вечер все вокруг искрилось, как будто залетный волшебник укутал землю серебристым покрывалом.

Лаковые сапоги то и дело проваливались в рыхлые сугробы. Таш кое-как добралась до своей машины, припаркованной в соседнем дворе. За полтора часа ее «творческих» метаний снег успел покрыть автомобиль толстой белой глазурью. «Бен, наверное, в бешенстве. Она должна была заехать за ним час назад».

Вот уже полчаса она наблюдала за его лицом. Как он хмурил брови, когда Франция забивала гол, как загорались его глаза, когда Англия выходила вперед. За месяц общения с Беном Таш настолько прониклась игрой в регби, что радовалась вместе с ним каждому забитому Англией мячу. Они встречались, как это делало большинство половозрелых человеческих особей в крупных городах, два-три раза в неделю. Такая иллюзия отношений – регулярный секс и немного эмоций. Вроде, все, что необходимо в современной жизни.

Таш не переставала любоваться его шикарным телом – он действительно был породистым жеребцом. Но за это время она успела узнать, что к отличному физическому развитию прилагалась полная эмоциональная закрытость. Бен не был способен выразить свои чувства. Порой ей казалось, что он не мог их выразить даже себе. Не зря Англия снискала себе славу кузницы ледяных сердец. Как только отпрыску исполнялось семь лет, родители выпроваживали его в школу-интернат, снимая с себя обязательства по его воспитанию, а сами мило продолжали наслаждаться жизнью. Школа прививала юнцу хорошие манеры, закаляла его тело и дух, но никак не обучала его эмоциональной грамотности.

Бен приобнял ее:

– Малыш... – он замешкался, – ... ты такая красивая. Ты знаешь... твои джинсы – настоящий итонский голубой.

Таш обрадовалась. «Угадала с выбором!»

– Малыш... – казалось, он подыскивает нужное слово, – какой красивый браслет. Золото?
– Да! Представь, сегодня подарила подруга. Передала с водителем. Странно, правда?

Таш и в правду удивилась, когда развернула сверток, переданный Фаиной. На ее удивленный вопрос Фаина ответила, что этот золотой браслет «Картье Лав» – один из нежеланных подарков на день рождения, вот она и раздаривает их подругам.

– Замечательные у тебя подруги! – усмехнулся Бен, и неожиданно лицо его посерьезнело. – Ээ-э... я должен тебе что-то сказать.

Неужели сейчас? Неужели сумела растопить лед северных морей и достучаться до глубин островного сознания?

Он поднялся и шагнул к журнальному столику. Взяв с кипы бумаг цветной буклет, он вернулся на место.

Таш затаила дыхание. «Может быть, это реклама отеля, в который мы поедем отдыхать? – ее сердце радостно застучало... – На медовый месяц...»

– Посмотри, – он передал ей глянцевого буклет. Она уже было приготовилась выразить восхищение – броситься ему на шею. Или лучше скромно затрепетать ресницами? Взглянула на картинку. На фотографии был красивый викторианский дом. Таш оказалась в замешательстве – вертела буклет в руках, ожидая разъяснений.

– Родители выставили наш дом на продажу, – обреченно сообщил Бен. – На днях мне позвонил отец и спросил, есть ли у меня работа. Понимаешь?! – Он резким движением заправил за ухо выпавшую на глаза прядь волос... – Они продают дом, в котором я родился, вырос, где я провел все детство... и спрашивают, есть ли у меня работа! Они даже не знают, что такое «работа»!

Его глаза были холодны как сталь. Таш даже показалось, что в них заиграли новые оттенки серого. За все время Бен ни разу не позволил себе сорваться. Таш восхищалась, и, в какой-то степени, даже завидовала пресловутой английской сдержанности. Сейчас же ей показалось, что нечто, отдаленно напоминающее отчаяние, промелькнуло в глубине его глаз.

– Всю жизнь они провели между Лазурным берегом и загородным поместьем, принимали гостей и делали все, что им заблагорассудится. А мне теперь приходится работать!

Таш еще раз взглянула на буклет. Под фотографиями дома красовалась цена в пятнадцать миллионов фунтов.

Бен сел поближе:

– Вот это моя комната. Я там первый раз поцеловался с девушкой. А сколько вечеринок было в этом саду! – Одну за другой он показывал ей фотографии дома. – Как я буду жить дальше?!

Таш недоумевала. Она почувствовала себя чеховской Раневской, получившей известие о продаже вишневого сада. Или, скорее, героиней третьесортной пьески, главный герой которой с криком «я разорен!» бежит в слезах расставаться с постылой жизнью. Мелодраматичность ситуации позабавила ее настолько, что она не смогла удержаться от смеха.

– Ты шутишь?! – она пыталась придать своему голосу серьезность, – любимый, тебе нет и тридцати! Лучше подумай, как заработать денег, чтобы купить родителям новый дом.

Как бы цинично не звучали ее слова, говорила она от чистого сердца. Что такое бедность, она знала не понаслышке. Она видела ее во всех уродливых проявлениях по понедельникам и четвергам в арт-кружке, который папа открыл для детей из малоимущих семей. Она видела на них одежду из секонд-хэндов, видела измученных матерей, работающих на трех работах ради лишнего рубля на еду, видела уголовников-отцов, которых не брали на работу. Таш начинала как ассистент отца, но со временем и сама заняла место преподавателя по кройке и шитью. Как же радовались ребятишки, когда очередная вещичка была готова и они могли надеть ее и выглядеть не хуже сверстников.

По рассказам Бена, после Африки отец занялся написанием книг о своем видении развития бедных районов Ботсваны. Эти книги никто не читал. Мать писала картины в китайском стиле – шинуазри, которые никто не покупал. Зиму они проводили в Антибе, лето – среди зеленых холмов и сказочных деревушек в Котсуолдс, спасаясь от летней жары Лазурного берега. Лондонский дом фактически пустовал, и его продажа не выглядела такой уж нелепой при нынешних взвинченных ценах на недвижимость.

– Малыш, ты права, – Бен снова улыбался.

5. Как не передознуться шиком

Лондон

Какая же вокруг красота! Таш любовалась заснеженным лесом из окна своей машины. Снег укутал землю белым пуховым покрывалом. Золотистые лучики прорывались сквозь ветви деревьев и затем застревали в зеленных лапах сосен. Она то и дело притормаживала, чтобы вдоволь насладиться этим сказочным видом. Улыбка не сходила с ее уст. Наконец-то что-то поменялось. Они встречались почти каждый день, а каждое утро, даже если они не ночевали вместе, он звонил пожелать ей хорошего дня.

Она перепрыгнула через несколько ступенек и резко остановилась. Длинноногая хостес окинула ее дежурным взглядом и тут же игриво заулыбалась вошедшему за Таш солидному мужчине. Таш усмехнулась: «Как, должно быть, сильно ей хочется замуж! – Она стала искать глазами Бена. – Вечно он выбирает место в самом дальнем углу!» Деревянные доски поскрипывали у нее под ногами. Бен с Джеймсом поднялись, чтобы пропустить ее поближе к окну.

– Давайте быстрее поедим и пойдем кататься! – Таш смотрела в окно. На замерзшей Москва-реке женщины в собольих полушубках тренировали аксели, а папаши с малышами гоняли шайбу. Ей не терпелось поскорее присоединиться к ним, почувствовать твердость свежего льда и вновь вкусить сладость контроля, когда лишь одним движением тела можно усмирить бешенную скорость.

Вместо этого, выйдя на лед, Таш пришлось попробовать себя в новой для нее роли – роли мамы беспомощного малыша. Ноги у Бена постоянно разъезжались. Он еле поспевал за ней, неуклюже скользя по льду. Таш пришлось держать его за руку и постоянно оглядываться, чтобы он не упал. Сделав несколько кругов, Бен, чудом устоявший на ногах, все-таки сдался.

– Малыш, мне кажется, коньки – не мое призвание. Я лучше посмотрю со стороны.

Усадив своего продрогшего партнера в ледяной бар, она решила, что наконец-то настал момент продемонстрировать мастерство. Ведь не зря все детство она мучилась на тренировках по фигурному катанию, пока ее сверстники беззаботно веселились. Таш разогналась. Щеки покраснелись от мороза. Она грациозно скользила по льду, собирая восторженные взгляды. Затем, оттолкнувшись зубцом левого конька и провернувшись вокруг своей оси, она мягко приземлилась на ребро правого. Цель была достигнута – тулуп был мастерски исполнен. Она бросила взгляд на Бена, все это время не отрывавшего от нее глаз. Ей хотелось кататься еще и еще, вспоминая все элементы, заученные в детстве. Но, взглянув еще раз на друга, трогательно укутанного в плед, передумала.

– Малыш, ты была великолепна! И как у тебя получается не падать? – Бен нежно держал ее руки в своих, согревая их после катания. От варившегося в баре глинтвейна воздух наполнился запахом корицы. – На Рождество я возвращаюсь в Лондон, а на Новый Год – в Гштаад. Буду по тебе сильно скучать. – Буду скучать по этим пальчикам... – Бен целовал ее руки. – И по этим рукам, и по этому телу. – Бен лукаво посмотрел на Таш. – А ты будешь по мне скучать?

– Ааа! Вот вы где! Воркующие голубки. – Джеймс в красном пледе был похож на мексиканского крестьянина. Ему не хватало только сомбреро. – Когда свадьба?

Таш издала кряхтящий звук, похожий на смешок и тут же покраснела. «Неужели все настолько хорошо, что его друг говорит о свадьбе?»

– Только после того, как погуляем на твоей свадьбе, – не сдавал позиции Бен.

– Зная, какой ты закоренелый холостяк, Джеймс, никогда! – Таш рассмеялась.

– Бен, давай поспорим, что ты женишься быстрее, чем я. – Джеймс присел рядом с Беном.

– Ок. На что спорим? – В раззадоренном глинтвейном Бене играл азарт.

Джеймс на минуту задумался.

– Если ты женишься быстрее, – он сделал паузу, – ты даришь мне бутылку «Петрус» года моего рождения.

– А если ты женишься быстрее? – разгоряченный, Бен снял с себя плед.

Таш смеялась, наблюдая за двумя самцами, вступившими в петушиный бой.

– Я сделаю то же самое.

– Договорились. Таш, ты – свидетель. – Бен посмотрел на нее, ища поддержку.

– Теперь вам придется дружить со мной, по крайней мере, до первой свадьбы. Никуда от меня вам не деться. – Таш была довольна, что сделала правильный выбор, вернувшись к Бену.

– А ты то куда собираешься деваться? От меня не так просто ускользнуть! – Он обнял ее и притянул к себе, – моя девочка...

Он поцеловал ее в губы. Джеймс наблюдал за разыгрывающейся у него на глазах сценой.

Вдруг он вскочил со своего места:

– Я повышаю ставки. Я считаю, что ты женишься раньше, чем я. И женишься на Таш.

Джеймс хитро улыбался. Бен было опешил, но тут же пришел в себя:

– И что ты ставишь?

Джеймс подул на покрасневшие от мороза руки.

– Я оплачиваю вам медовый месяц по вашему выбору.

Подойдя к Бену ближе, он похлопал его по плечу, и Бен не смог удержаться от смеха.

– Таш, я предлагаю нам пожениться только ради того, чтобы этот идиот оплатил нам поездку.

*****

– Я так не хочу, чтобы ты уезжал ...

По телевизору шел фильм «Роковое влечение» с Глен Клоуз.

– Если мы надолго расстанемся, я буду вести себя как Глен Клоуз. Буду тебя преследовать, – она подняла голову и посмотрела на него с улыбкой. – У тебя есть домашние животные?

– Да. У нас есть спаниель Роки в Котсуолдс.

– Ну, так вот, если соберешься меня бросить или, не дай Бог, мне изменить, вспоминай своего спаниеля. Хочешь ли ты, чтобы он оказался в кастрюле?

Они оба рассмеялись. Только что рассвирепевшая героиня Глен Клоуз, игравшая любовницу Майкла Дугласа, узнав, что он ее отверг, сварила заживо любимого кролика его семьи.

– Малыш, думаю, Роки не о чем беспокоиться. Зная твою любовь к животным, я скорее представлю в супе себя, чем его.

На следующее утро, забросив Бена в аэропорт, Таш сразу же направилась к Кате.

– Он должен скоро приземлиться. Теперь я увижу его только в новом году, – жалобно пролепетала она, присаживаясь на диван. Она следила за его полетом в приложении в режиме реального времени, словно боялась отпустить от себя.

– У меня через час встреча. Давайте отвлечемся от Бена. Пусть себе спокойно летит. – Фаина решила внести долю здравого смысла в беседу. – Вы приедете на Новый год ко мне в Куршевель? Дом пустой, родители будут в Лапландии.

Лев Розман построил дом в Куршевеле пятнадцать лет назад, проведя в нем пять рождественских каникул подряд, нашел это времяпрепровождение однообразным. А поскольку он любил разнообразие не только в женщинах, каждый Новый год они встречали в новом месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.